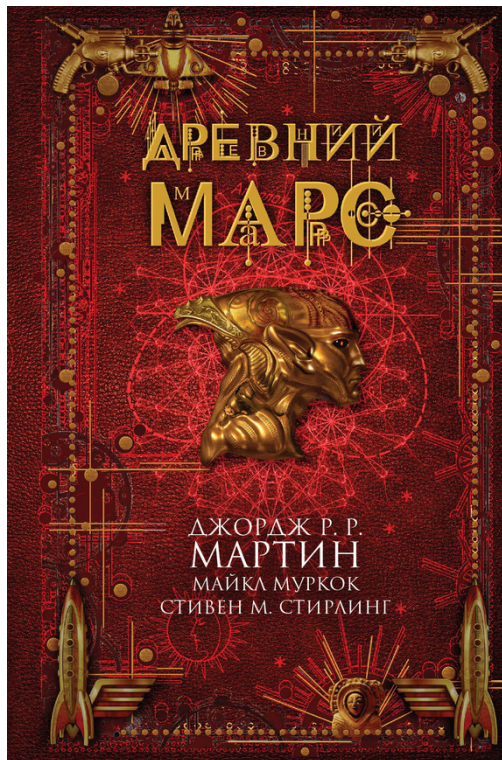

**Крис Роберсон
Стивен Майкл Стирлинг
Лиз Уильямс
Майкл Муркок
Джо Р. Лансдэйл
Говард Уолдроп
Мэри Розенблюм
Майкл (Майк) Даймонд Резник
Джеймс С.А. Кори
Филлис Эйзенштейн
Джордж Мартин
Йен Макдональд
Аллен М. Стил
Мэтью Хьюз
Дэвид Д. Левин
Мелинда М. Снодграсс
Гарднер Дозуа
Древний Марс (сборник)**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8490332*

*Древний Марс : сборник рассказов : [пер. с англ.] / Джордж Р.Р. Мартин, Майкл Муркок, Стивен М. Стирлинг и др. : Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-76047-3*

Аннотация

Новая антология из пятнадцати рассказов, опубликованная Джорджем Р.Р. Мартином и Гарнером Дозуа, знаменует Золотую Эру научной фантастики, эру повествований об инопланетных колонизациях и безрассудной храбрости. До появления мощных телескопов и космических зондов мы могли представлять себе нашу Солнечную систему населенной причудливыми созданиями и древними цивилизациями, не всегда дружелюбными к обитателям Земли. И среди всех планет, окружающих Солнце, только одна окружена аурой романтики, таинственности и приключений – Марс.

Джеймс Кори, Майкл Муркок, Майк Резник, Говард Уолдроп, Йен Макдональд и другие в этой блестящей ретроантологии, которая возвращает нас назад на холодный, лишенный кислорода Марс, планету красных пустынь, разрушенных городов и вымирающих цивилизаций.

Впервые на русском языке!

Содержание

Дж. Р.Р. Мартин	5
Аллен М. Стил	11
Аллен М. Стил	12
Мэтью Хьюз	29
Мэтью Хьюз	30
Дэвид Д. Левин	47
Дэвид Д. Левин	48
С.М. Стирлинг	70
С.М.Стирлинг	71
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Древний Марс (сборник)

© Башкирова А., Селкина А., Коронаева Е., Герасименко В., Былевский В., Михайлова Л., Высокосова В., Фирсов А., Фонфрович Е., Герасименко Д., Репинская П., Пацап Т., перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

* * *

Дж. Р.Р. Мартин

Блюз Красной планеты. Предисловие

В стародавние времена жила-была такая планета Марс – мир красных песков, каналов и нескончаемых приключений. Прекрасно помню, потому что частенько переносился туда в детстве.

Рос я в американской рабочей семье городка Байонн в Нью-Джерси. Денег в семье никогда особо не водилось. Мы арендовали жильё в многоквартирном доме, машины не имели и почти никуда не выбирались. Жили на Первой улице, школа находилась на Пятой, куда можно было дойти напрямик по Лорд-авеню, и этими пятью кварталами ограничивался мир моего детства.

Но это было совершенно неважно, потому что мне хватало других миров. Поглощая массу книг – сначала комиксов (в основном о супергероях, но также «Иллюстрированную классику» плюс диснеевские), потом покетбуков (фантастику всех видов без разбора, перемежая с детективами, приключенческими и историческими романами), – где я только не бывал, сидя в любимом кресле и склонившись над их страницами.

Я взмывал над небоскрёбами Метрополиса с Суперменом, сражался с бандитами на улицах Готэм-сити заодно с Бэтменом и перемахивал на паутинных нитях меж башен Манхэттена вместе с Человеком-Пауком. Плавал в Южных морях с Джоном Сильвером Роберта Стивенсона, погружался в морские глубины с Акваменом и принцем атлантов Нэмором-Подводником. Скрудж Макдак впервые увлёк меня в глубь Чёрного материка, в копи царя Соломона, а потом Генри Райдер Хаггард снова привёл туда. Я размахивал шпагой, разя гвардейцев кардинала вместе с тремя мушкетёрами Дюма-отца, пел о зелёных холмах Земли в тон слепому певцу Райслингу Роберта Хайнлайна, кочевал по Большой планете Джека Вэнса, проносился по Стальным пещерам Айзека Азимова, бросал вызов ужасам подземной Мории Толкиена. Книжки впускали меня на Арракис и Трантор, в Минас Тирит и Горменгаст, Оз и Шангри-Ла – любые вымышленные страны...

... а также на планеты, луны и астероиды нашей Солнечной системы. Застывший Плутон (тогда ещё планету), откуда Солнце видится звездой лишь чуть ярче прочих. На Титан, над которым нависают кольца гиганта Сатурна. На повёрнутый к Солнцу всегда одним и тем же боком Меркурий, где жить можно лишь на границе между освещённой и тёмной сторонами – в «сумеречной зоне». На Юпитер, где чудовищная гравитация делает обитателей сильнее сотни человек. На скрытую непроницаемым покровом облаков Венеру, в гнилых болотах которой перепончатоподобные венерианцы охотятся на динозавров.

И на Марс.

Пожалуй, туда я отправлялся подростком чаще, чем в Нью-Йорк-сити, хотя до Манхэттена было меньше часа езды на автобусе за пятнадцать центов в одну сторону. В Нью-Йорке мы обычно ездили на Рождество – посмотреть праздничное представление в мюзик-холле «Радио-сити», а потом поесть в кафе-автомате «Хорн-энд-Хардарт» на Таймс-сквер. Больше я ничего там и не знал, собственно (ну, само-собой, знал, что там где-то есть Эмпайр-стейт-билдинг и статуя Свободы, но побывал там только в 1970-е, давно уехав из Нью-Джерси).

А вот на Марсе... там я каждую песчинку знал. Пустынная планета, чьи иссохшие, холодные, багровые (конечно, куда без этого) просторы были свидетелями возникновения и упадка бесчисленных цивилизаций. Оставшиеся марсиане принадлежали к угасающей расе, древней, мудрой и таинственной, и все – как злокозненные, так и благорасположенные – были непостижимы. На Марсе обитали странные свирепые существа (восьминогие тоуты! четырёхрукие тарки! песчаные мыши!), постоянно шептал ветер, вздымались горы, там бес-

крайние моря красных песков пересекали сухие каналы, на берегах которых высились хрупкие города, а каждый поворот что-то таил и обещал приключения.

Марс всегда странным образом манил нас, жителей Земли. Он издавна входил в число планет, в легендарную пятёрку «бродячих звёзд» античных времён (вместе с Меркурием, Венерой, Юпитером и Сатурном), которые выбивались из рисунка созвездий и шествовали собственным путём по небосводу. К тому же Марс был звездой красной, что было заметно и невооружённому глазу древних – цвета крови и огня. Неудивительно, что римляне нарекли его именем своего бога войны. Наблюдения Марса в телескоп Галилеем, открытие полярных шапок в 1666 году Кассини, обнаружение двух марсианских лун Фобоса и Деймоса в 1877 году Асафом Холлом делали красную планету всё более привлекательной, но решающим стало заявление итальянского астронома Джованни Скиапарелли, что он наблюдал на Марсе «canali».

Название, данное Скиапарелли тёмным линиям на поверхности Марса, означало «борозды», но при переводе на английский преобразовалось в «каналы». Однако, если борозды могут быть естественного происхождения, каналы – однозначно искусственного. А в 1877 году каналы определённо занимали внимание публики. Достроенный в 1825 году канал Эри от реки Гудзон к Великим озёрам сыграл немалую роль в экспансии США на Запад. В 1869 году открылся Суэцкий канал, соединивший Средиземноморье с Индийским океаном. Всего через несколько лет, в 1881 году, французы начнут строить Панамский канал, который американцы довершат в 1914-м.

Каждое строительство требовало огромных усилий, было чудом современной техники, а значит – если на Марсе существуют каналы, то, вне всякого сомнения, должны существовать и их строители. *Марсиане*.

Чего ж тут удивляться, что, когда через несколько лет после этого заявления Герберт Уэллс сел за «научный роман» о вторжении на Землю инопланетян «Война миров», он обратил свой взор на красную планету. «А между тем через бездну пространства, – писал Уэллс, – на Землю смотрели глазами, полными зависти, существа с высокоразвитым, холодным, бесчувственным интеллектом, превосходящие нас настолько, насколько мы превосходим вымерших животных, и медленно, но верно вырабатывали свои враждебные нам планы»¹.

Наблюдения Скиапарелли пробудили интерес не только у романистов, но и других учёных. А особенно у американского астронома Персиваля Лоуэлла. Новая обсерватория Лоуэлла во Флагстафе была оборудована телескопами большего диаметра, чем у Скиапарелли в Милане, и к тому же в Аризоне меньше мешала засветка неба. И вот, направив свои телескопы на Марс, Лоуэлл увидел уже не «борозды», а и впрямь – «каналы».

Марс сделался настоящей страстью Лоуэлла. На протяжении всей своей жизни он продолжал непрестанно изучать его, обнаруживая всё больше подробностей, чертил весьма подробные карты марсианской поверхности с одинарными и двойными каналами, оазисами. Результаты наблюдений он опубликовал в трёх объёмистых книгах – «Марс» (1896), «Марс и его каналы» (1906) и «Марс как пристанище жизни» (1908), – развивая теорию, что длинные, прямые и, вполне очевидно, искусственные каналы были сооружены марсианами для переброски воды от полярных шапок в обширные пустыни их засушливой планеты.

И другие астрономы нацеливали свои телескопы на Марс. Кое-кто видел лоуэлловские каналы, частично подтверждая его наблюдения. Другие замечали лишь борозды Скиапарелли, относя их к природным образованиям. А некоторые вообще ничего не наблюдали, что позволяло им утверждать полную иллюзорность всяческих каналов, вызванную оптической аберрацией. В целом астрономы отнеслись к наблюдениям Лоуэлла довольно скепти-

¹ Г. Уэллс. Война миров. Гл. 1. Пер. М. Зенкевич.

чески, что, однако, не помешало мысли о марсианских каналах и марсианской цивилизации прочно засесть в общественном сознании.

А особенно в умах пишущей братии.

Герберт Уэллс изобразил марсиан, но на сам Марс читателей ни разу не посылал. Эту задачу он предоставил другому фантасту (существенно меньшего калибра) Гарриету П. Сёвиссу, который в 1898 году опубликовал своего рода продолжение «Войны миров» – «Эдисоновское покорение Марса». Хотя роман Сёвисса сегодня почти забыт (вполне заслуженно), в своё время он был весьма популярен и известен; стоит отметить, что именно он впервые перенёс нас через космические бездны на Красную планету с её двумя лунами, выглаженными ветром равнинами и каналами Скиапарелли. Но по-настоящему оживить марсианские пейзажи выпало писателю, пришедшему вслед за Сёвиссом, и вот его видение оказало определяющее влияние как на несколько поколений писателей-фантастов, так и на воображение многих тысяч восхищённых читателей вроде меня.

Направленную в журнал «Олл-стори» в 1911 году рукопись он подписал как Нормал Бин. Кто-то счёл это ошибкой и исправил имя на Норман, поэтому произведение «Под лунами Марса» начало выходить с февраля 1911 года как роман Нормана Бина. Под этим псевдонимом скрывался Эдгар Райс Берроуз. Когда все части были собраны для публикации в виде книги, роман получил название «Принцесса Марса». Так он и переиздавался на протяжении последующего столетия, породив множество продолжений, переложений и подражаний.

Свою умирающую пустынную планету марсиане Берроуза – как зелёные, так и красные – именовали Барсумом. Оттолкнувшись от положений Лоуэлла, Берроуз наполнил Красную планету тоутами и тарками, летучими барками, радиевыми ружьями, белыми обезьянами, воздушными растениями, населил отважными мастерами меча и яйцекладущими принцессами, одетыми лишь в драгоценности. Не будучи особенно искусным писателем, Берроуз мастерски строил сюжет, а созданные им Джон Картер и Дея Торис сделались любимыми героями многих, их славу затмил лишь, пожалуй, его же Тарзан. На протяжении первой половины XX века вышло ещё десять романов о Барсуме, не во всех действовал Джон Картер, но мир, сотворённый Берроузом, его Марс с многочисленными народами и странами постоянно разворачивался на их страницах, с первого до последнего романа.

Барсум – исключительно его собственное творение. Но книги Персиваля Лоуэлла продолжали распространяться, и его идеи были подхвачены Отисом Адельбертом Клайном, Стэнли Вейнбаумом, К.С. Льюисом, Джеком Уильямсоном, Эдмондом Гамильтоном и множеством прочих писателей, вскоре принявших рисовать свои картины Марса и его обитателей. Хотя Э.Э. «Док» Смит и отправил научную фантастику в звёздные дали своим «Космическим жаворонком» в 1928 году, за ним последовали совсем немногие собратья по перу. С 1920-х вплоть до 1960-х большинство предпочитало не уноситься так далеко от дома и писать о Солнечной системе, буквально кишасей жизнью, где каждая планета, Луна и астероид поражали экзотическими обитателями, словно соревнуясь друг с другом.

Сколько же историй разворачивалось на Марсе в пору журнального расцвета? Наверняка многие сотни. Тысячи. А то и десятки тысяч. Не счесть. Большинство из них справедливо забыты, но даже самые слабые и надуманные повести и рассказы делали Красную планету чуть ближе и роднее. И Марс моего детства вышел из-под пера не Уэллса, не Лоуэлла или даже не Эдгара Райса Берроуза, сколь бы влиятельными они ни были, но год за годом складывался из деталей, нарисованных множеством писателей того времени, причём каждый добавлял своё в общую картину мира, принадлежавшего всем и никому по отдельности.

Это и был мой Марс. Так вышло, что мальчишкой я романов Берроуза не читал (впервые прочёл, лишь когда мне пошёл пятый десяток – на целых тридцать лет позже положен-

ного), однако знал и любил творения, вдохновлённые Барсумом ЭРБ. Впервые я отправился на Марс в компании Тома Корбетта, Астро и Роджера Мэннинга – славной команды космического корабля «Поларис» в классическом телесериале для подростков (или молодёжи, как принято теперь говорить) по космической опере Роберта Хайнлайна «Том Корбетт – космический кадет». На чуть иной Марс Хайнлайн перенёс меня приключенческим романом издательства «Скрибнерз» «Красная планета». Я узнал о свирепых песчаных мышах от Андре Нортон с её двойником Эндрю Нортон. А в пустынных городах выдержал встречу с Шамбло в компании Кэтрин Мур и её Нортвеста Смита. Потом настала очередь Ли Брэкетт и Эрика Джона Старка – ещё одного великого героя космической оперы. А когда я ещё чуть подрос – то встретился с миром «Марсианских хроник», чей проникнутый грустью, а не духом приключений тон сильно отличался от других историй о Древнем Марсе, но это не делало творение Рэя Брэдбери менее чарующим и запоминающимся.

Вероятно, последней историей о величии Древнего Марса была «Роза для Экклезиаста» Роджера Желязны. Сразу после публикации в ноябрьском выпуске за 1963 год журнала «Мэгезин ов фэнтези энд сайнс фикшн» она попала в разряд классических (перу Желязны также принадлежит последняя песнь Древней Венере – отмеченный Небьюлой рассказ «Двери лица его, пламенники его пасти»).

Творения Брэдбери и Желязны я прочёл, уже начав сам сочинять. Начинал я с историй о приключениях супергероев для комиксовых фэнзинов 60-х годов, но довольно скоро перешёл на героическое фэнтези, детективные истории и научную фантастику, всерьёз подумывая о карьере писателя. Которая неизбежно должна была привести к созданию собственных марсианских сочинений.

Но этому не суждено было произойти. Ибо уже в те годы, когда Брэдбери и Желязны ещё слагали истории о Древних Марсе и Венере, набирала обороты космическая гонка. Я следил за каждым запуском космонавтов на экране нашего чёрно-белого телевизора в родительской квартире, сознавая, что вижу рассвет новой эры, где исполнятся все мечты фантастов. Первыми появились «Спутник», «Вангард», «Эксплорер». Затем «Меркьюри», «Джемини», «Аполлон».

Юрий Гагарин, Алан Шепард, Джон Гленн.

И «Маринер»... о этот «Маринер»...

Именно он положил конец славным дням Древнего Марса... а также его сестры Древней Венеры под влажным облачным покрывалом, с её затонувшими городами, бескрайними болотами и перепончатоногими венерианцами. «Маринер-2» (запущенный в августе 1962 г.) первым пролетел рядом с Венерой через три с половиной месяца после запуска. Затем «Маринер-4» (ноябрь 1964) таким же образом поклонился Марсу, облетев его. «Маринер-5» (июнь 1967) был следующим венерианским аппаратом. «Маринер-6» (запущенный в феврале 1969) и «Маринер-7» (март 1969) исследовали Марс вместе. «Маринер-8» был утрачен, но точно такой же «Маринер-9» (май 1971) вышел на околомарсианскую орбиту в ноябре того же года и присоединился к Фобосу и Деймосу в качестве третьего спутника Красной планеты. А последний аппарат программы «Маринер-10» пролетел не только мимо Венеры, но и возле Меркурия, доказав, что тот, вопреки бытовавшему мнению, вовсе не постоянно повернут к Солнцу одной и той же стороной.

Всё это было бы ещё увлекательнее, да только...

Открытый НАСА Марс не имел ничего общего с Марсом Персиваля Лоуэлла и Эдгара Райса Берроуза, Ли Брэкетт и Кэтрин Мур. Автоматические аппараты «Маринер» не обнаружили ни следа марсианских городов – ни живых, ни мёртвых, ни угасающих. Ни тарков, ни тоутов, никаких жителей Марса любого цвета. Не было найдено подтверждения существованию ни сети каналов Лоуэлла, ни борозд Скиапарелли. Вместо этого кругом были кратеры – на деле Марс куда больше походил на Луну, чем на Барсум. А Венера... под слоем

облаков вместо болот, динозавров и перепончатоногих венерианцев бурлил суший ад ядовитых сернистых вулканических газов, слишком горячих для человека.

Данные «Маринера» воодушевили учёных во всём мире и пролили свет на истинную природу ближних планет Солнечной системы, но у людей, читающих и пишущих научную фантастику, вроде меня, к восхищению примешивалась и доля разочарования. Это был вовсе не тот Марс, куда нам хотелось попасть. И подавно не Венера, о которой мечталось.

Я так и не написал своей марсианской истории. А также венерианской, меркурианской или происходящей на других «утраченных» мирах моей юности, где разворачивалось действие столько чудесных рассказов 30–50-х годов. И не я один. После «Маринеров» наша братия переключила внимание уже на звёзды в поисках экзотического антуража и разнообразных инопланетян, которым поблизости совсем не осталось места.

Писатели-фантасты не совсем обделили Марс вниманием и после открытий «Маринера». Время от времени действие их произведений происходило там, но это был уже «новый Марс», настоящий, зафиксированный камерами «Маринера»... где каналам, покинутым городам, песчаным мышам и марсианам решительно негде было скрыться. Самой впечатляющей получилась отмеченная наградами трилогия Кима Стэнли Робинсона «Красный Марс», «Зелёный Марс» и «Голубой Марс» – о колонизации и терраформировании четвёртой планеты от Солнца.

Но в целом число научно-фантастических вещей, действие которых разворачивалось на Марсе и других ближних планетах, после «Маринера» существенно сократилось по понятным причинам. Настоящий Марс просто оказался *менее интересным* по сравнению со своим фантастическим предшественником. Лишённая воздуха и жизни, мёртвая пустынная планета на снимках «Маринера» никак не могла с достаточной убедительностью поддержать ни бурные межпланетные страсти героев Берроуза, Брэкетт и Мур, ни даже более элегичные, как у Брэдбери и Желязны. Теперь, если велась речь о возможности жизни на Марсе, то имелись в виду микробы или в лучшем случае какие-нибудь лишайники, но никак не песчаные мыши или тоуты. И хотя регистрация марсианских проявлений жизни, несомненно, крайне возбудит астробиологов и прочих исследователей космоса, но ни один микроб не обладает притягательностью Деи Торис.

Лишайники тем не менее возобладали. Дею Торис с прочими марсианами отправили в космические просторы или на дальнюю полку... почти в небытие. При съёмке новой версии «Войны миров» в 2004 году Стивен Спилберг уже не называет пришельцев марсианами, как Герберт Уэллс или Орсон Уэллс в своей радиопередаче, как в серии комиксов «Иллюстрированной классики» или фильме 1953 года Джорджа Пэла, но лишь некими инопланетянами. У Спилберга они прибывают на Землю на молниях (!), а вовсе не в цилиндрических аппаратах, продукте высокоразвитого, холодного, бесчувственного интеллекта, преодолевших космические бездны. И марсиан не хватает не только мне...

Тут мы подходим наконец к нашему «Древнему Марсу» – той антологии, которую вы держите в руках, сборнику, куда вошло пятнадцать новых рассказов о Древнем Марсе, утраченном Марсе, Марсе каналов, покинутых городов и марсиан. За очень небольшим исключением авторы сборника начали писать уже после «Маринера». Подобно мне, они выросли, читая о Древнем Марсе, но не имели возможности о нём написать. Тот Марс, казалось, исчез навеки.

Но, может, и нет.

Несомненно, Марс Персиваля Лоуэлла, Нормана Бина, Ли Брэкетт, Кэтри Мур и Рэя Брэдбери не существует, но разве это означает, что о нём нельзя написать? Научная фантастика принадлежит к романтической традиции, а романтические истории всегда имели к реальному миру опосредованное отношение.

Авторы вестернов продолжают писать о Диком Западе, на деле никогда не существовавшем в таком виде, ибо «реалистические вестерны» о фермерах, а не о метких стрелках расходятся не ахти как хорошо. Детективщики продолжают создавать серии о частных сыщиках, успешно раскрывающих таинственные преступления и ловящих серийных убийц, в то время как настоящие следователи большую часть времени просиживают за столом, разбирая фиктивные иски к страховым компаниям, и выслеживают неверных супругов по дешёвым мотелям, чтобы раздобыть фотодоказательства для бракоразводного процесса. Авторы исторических романов повествуют о давних временах и далёких странах, от которых не осталось почти никаких свидетельств, а действие фэнтезийных романов и вовсе происходит в абсолютно вымышленных краях. Поскольку, по справедливому замечанию такого признанного столпа фантастики, как Джон Кэмпбелл-младший, научная фантастика есть одна из разновидностей вымысла.

И пусть пуристы от научной фантастики и прочие несгибаемые правилоты сколько хотят отказывают таким историям в праве быть «истинной научной фантастикой». Отнесите их к «космической опере», «космофэнтези», «ретро-фантастике», «фэнтезюшке» – да к чему хотите. Для меня это – рассказы и, как все рассказываемые истории, коренятся в воображении. И, если подумать, фантазия всегда увлекательнее «реальности».

«Маринер» не обнаружил Древнего Марса. Но вам это под силу.

Просто переверните страницу.

Джордж Р.Р. Мартин
Август 2012

Аллен М. Стил

Со времени первой продажи журналу «Азимовз сайнс фикшн» в 1988 году Стил бесперебойно снабжал его своими рассказами, так же как и другие ведущие американские издания – «Эналог», «Мэгезин ов фэнтези энд сайнс фикшн» и «Сайнс фикшн эйдж». В 1990-м увидел свет его первый роман, сразу обративший на себя внимание критиков и признанный по опросу «Локуса» лучшим первым романом года – «Схождение с орбиты» («Orbital Descent»), а вскоре с лёгкой руки самого Грегори Бенфорда его стали сравнивать уже с Хайнлайном периода журнального Золотого века. Среди прочих книг Стила «Космос, округ Кларк», «Посадка на Луну», «Лабиринт ночи», «Хронокосмос», цикл о Койоте и многие другие². А рассказы составили пять сборников: «Rude Astronauts», «All-American Alien Boy», «Sex and Violence in Zero-G», «American Beauty», «The Last Science Fiction Writer». Самые последние книги – новый роман из серии о Койоте «Заклятие» (Hex) и нацеленный на подростковую аудиторию роман «Apollo's Outcasts». Ряд рассказов и повестей отмечены премиями: три Хьюго – за «Смерть капитана Фьючера» в 1996-м, за «Куда мудрец боится и ступить» в 1998-м и за «Императора Марса» в 2011-м, а в 2013-м добавилась премия Роберта Хайнлайна.

Аллан Стил родился в Нэшвиле, штат Теннесси, работал во многих газетах и журналах, где освещал новости науки и деловую тематику, но теперь полностью сосредоточился на писательстве, живя с женой Линдой в Уотли, штат Массачусетс.

Он переносит нас на Марс, совсем не похожий на тот, что нарисован в премированной Хьюго повести, – на Древний Марс, в марсианские пустоши, где очередная миссия героя грозит поставить две планеты на грань всеобщей войны.

² На русский язык из романов переведены пока только «Итерации Иерихона» и «Хронокосмос».

Аллен М. Стил

Марсианская кровь

Омар аль-Баз был самым опасным человеком на Марсе, но когда я впервые с ним встретился в космопорте Рио Зефирия, его выворачивало.

Подобное зрелище приходится наблюдать вовсе не редко. Прилетающие сюда не всегда поначалу осознают, насколько атмосфера разрежена. Холод тоже их застаёт врасплох, но атмосферное давление, говорят, не выше, чем в Гималаях. И если их не начинало рвать ещё во время перелёта на челноке с Деймоса, то скручивало на пандусе от недостатка кислорода и головной боли как при высотной болезни.

Конечно, я не мог быть уверен, что согнувшийся пополам на пандусе пожилой мужчина именно доктор аль-Баз, но других пассажиров ближневосточной наружности на рейсе не было. Однако помочь ему я ничем не мог, поэтому терпеливо ждал на внешней стороне огороженной цепочкой зоны безопасности. Стюардесса поспешила ему на подмогу, но доктор аль-Баз жестом остановил её, показывая, что не нуждается в помощи. Он выпрямился, достал платок из кармана пальто, вытер рот и подобрал с пола ручку чемодана на колёсиках, которую выпустил, когда его скрючило. Приятно видеть, что он не совсем беспомощен.

Он вышел в зону прибытия одним из последних. Остановился у ограждения, осмотрелся и заметил у меня в руках картонку с его именем. Облегчённо улыбнулся и направился ко мне.

— Да, я ваш проводник. Зовите меня Джимом. — Не испытывая желания пожимать руку, которой он недавно только вытирал рот, извергнувший содержимое желудка на гладкий бетон пандуса, я наклонился, чтобы подхватить ручку его чемодана.

— Я сам, спасибо, — сказал доктор, не дав мне осуществить моё намерение. — Но я буду весьма признателен, если вы позаботитесь об остальном моём багаже.

— Конечно, без проблем.

Носильщиком я не нанимался, и если бы он оказался из разряда придурочных туристов, к каковым принадлежала часть прочих клиентов, то я уж заставил бы его самого таскать своё барахло. Но дядька начинал мне нравиться: слегка за пятьдесят, худощавый, с чуть намечающимся брюшком, жёсткие чёрные волосы на висках тронуты сединой. На орлином носу сидели очки с круглыми стёклами, а под носом кустились усы — сущий арабский Граучо Маркс. Омар аль-Баз выглядел точь-в-точь каким я себе и представлял египтяно-американского профессора Аризонского университета.

Я повёл его к терминалу, обходя других пассажиров, прибывших трёхчасовым шаттлом туристов и деловых людей.

— Вы один приехали или с кем-то ещё?

— К сожалению, пришлось лететь одному. Университет согласился оплатить только мой билет, хотя я и подавал заявку на аспиранта-ассистента, — ответил он, нахмурившись. — Это может замедлить работу, но поставленная задача не очень сложна, поэтому я надеюсь справиться сам.

Пока я не имел ни малейшего представления, зачем ему понадобилось нанимать меня в качестве проводника, но суэта терминала не располагала к разговору. На карусель начали поступать чемоданы и сумки пассажиров, но доктор аль-Баз не присоединился к толпе ожидающих появления своего багажа. Вместо этого он направился сразу к грузовому окну компании «ПанМарс», протянув служащему ворох квитанций. Я уже успел пожалеть о своём согласии помочь с багажом, когда через боковую дверцу выкатили тележку. На ней громоздилось полдюжины увесистых алюминиевых контейнеров, даже в условиях марсианской гравитации каждый под две руки.

– Вот засада, – пробормотал я.

– Прошу прощения, но для работы пришлось привезти с собой специальное оборудование. – Он подписал форму и снова повернулся ко мне. – А теперь... есть у вас на чём отвезти всё это в гостиницу или придётся нанять такси?

Внимательнее осмотрев штабель, я понял, что контейнеров не так уж много, в джип всё должно уместиться. После чего мы выкатили тележку ко входу, где я запарковался, и принайтовили багаж эластичными шнурами, которые я предусмотрительно прихватил. Доктор аль-Баз взобрался на пассажирское сиденье, устроив чемоданчик между ног.

– Сначала в гостиницу? – спросил я, садясь за руль.

– Да, конечно... а потом я не прочь выпить чего-нибудь. – По-видимому, мой взгляд выразил вопрос, и доктор с улыбкой уточнил: – Нет, я не принадлежу к истовым последователям Пророка.

– Рад слышать. – Он мне нравился всё больше и больше, трудно доверять людям, которые не хотят даже вместе пива выпить. Я завёл мотор и, отъезжая от обочины, спросил: – Итак... по электронке вы писали, что хотели бы побывать в поселении аборигенов. Вам по-прежнему этого хочется?

– Да, хочется, – сказал он и, чуть помедлив, добавил: – Теперь, когда мы повстречались, думаю, будет только честно изложить вам цель поездки. Она заключается не только во встрече с аборигенами.

– А в чём же? Что вам ещё нужно?

Он посмотрел на меня пристальнее поверх очков:

– Кровь марсианина.

В детстве среди моих любимых фильмов была «Война миров» 1953 года, снятая за двенадцать лет до полёта первых автоматических станций на Марс. Уже тогда людям было известно, что на Марсе окружающая среда близка к земной, спектроскопия зафиксировала присутствие кислородно-азотной атмосферы, а в сильные телескопы были видны моря и каналы. Но обитаема планета или нет – не было точно известно вплоть до посадки «Ареса-1» в 1977-м, и фантазию Джорджа Пэла в изображении марсиан ничто не сдерживало.

Ну так вот, в фильме есть сцена, когда Джин Бэрри с Энн Робинсон добираются до Лос-Анджелеса, после того как им удаётся выкарабкаться из-под обломков разрушенной инопланетными пришельцами фермы. Бэрри приходит на встречу к коллегам-учёным в Пасифик Тех и передаёт им разбитый глаз-камеру, который ему удалось захватить во время отражения атаки. Этот глаз-камера завернут в шарф Энн Робинсон, весь в брызгах от побоища, когда Джин отбивался от маленького зелёного монстра обломком трубы.

«А это, – мелодраматично заявил он, демонстрируя шарф учёным, – кровь марсианина!»

Мне всегда нравился сей эпизод. Поэтому, услышав от доктора аль-База подобное заявление, я было подумал, что он захотел свою учёность показать, процитировав строку из фильма, хрестоматийного для колонистов. Но ни тени улыбки. Насколько можно было судить – он был вполне серьёзен.

Я решил отложить выяснения на потом, когда мы по крайней мере выпьем, поэтому всю дорогу до Рио Зефирия промолчал. Профессор забронировал номер в игорно-развлекательном центре «Джон Картер», расположенном на набережной Маре Киммериум. Неудивительно – большинство туристов стремилось поселиться именно тут, в самом знаменитом отеле Рио. Во время строительства новый бум интереса к Эдгару Райсу Берроузу был в самом разгаре, оттого и решили, что для тематического оформления казино как нельзя лучше подойдёт «Принцесса Марса». С тех пор при мысли об увеселительном путешествии на Марс большинству людей приходит в голову именно это здание.

Ну и ладно, что до меня – я каждый раз с трудом сдерживаюсь, проезжая мимо, чтобы не запустить камнем в золочёные стёкла окон. Десятиэтажный памятник всем тем глупостям, которые люди успели сотворить, прибыв сюда. И если я, родившись и выросши на Марсе, так думал, то можете себе представить, что могли думать о нём *шатаны*... если оказывались в окрестностях, откуда могли наблюдать это строение.

Когда мы подкатили к главному входу в отель, распознать реакцию доктора аль-База было непросто. Я уже начал привыкать, что обычно его лицо хранило стоическое спокойствие. Но пока носильщик отеля разгружал наш багаж, профессор заметил фигуру зазывалы у входа в казино. Тот был смуглокож, больше двух метров ростом и облачён в бурнус аборигена, у пояса – сабля в ножнах.

Доктор не сводил с него глаз.

– Но ведь это не марсианин?

– Нет, если только «Синие дьяволы» не взяли к себе центровым марсианина. – Заметив удивлённо поднятую бровь профессора, я пояснил: – Это Тито Джонс, бывшая звезда баскетбольной команды Дьюкского университета... – Я покачал головой. – Бедняга. Он и представления не имел, зачем им понадобился, пока его так не вырядили.

Доктор аль-Баз тут же потерял к нему интерес.

– Если бы он оказался марсианином, это намного облегчило бы задачу.

– Тут, да и в окрестностях, застать их практически невозможно, – сказал я, следуя к вращающимся дверям за носильщиком. – Кстати... мы их тут марсианами не называем. Принято называть аборигенами.

– Буду иметь в виду. А как мар... аборигены сами себя называют?

– Шатанами, что на их языке означает «люди», – и прежде, чем он успел задать следующий очевидный вопрос, добавил: – А мы для них – нашатаны, то есть – не люди. Но это только когда они хотят проявить вежливость. А так – по-разному называют, по большей части нелестно.

Профессор кивнул и некоторое время шёл молча.

Хотя Аризонский университет не раскошелился на оплату билета на марсианский лайнер аспиранту, на двухкомнатный люкс они не поскупились. После того как носильщик разгрузил весь багаж и удалился, профессор объяснил, что большая гостиная с баром понадобится ему для развёртывания походной лаборатории. Но распаковываться сразу же не стал, теперь он был готов отправиться где-нибудь выпить, как я ему и обещал. Мы всё оставили в номере как есть и спустились на лифте на первый этаж.

Бар в этой гостинице был расположен прямо в казино, но мне не хотелось наблюдать бармена, выраженного барсумским полководцем, а официанток – принцессами Гелиума. Нигде, кроме «Джона Картера», на Марсе так не одеваются, вернее, так не раздеваются, даже в разгар лета, потому что никому в здравом рассудке не придёт в голову мёрзнуть на ветру. Поэтому мы снова сели в джип, и я повёз профессора в ту часть города, куда туристы почти не заходят.

В нескольких кварталах от моего жилища есть одно неплохое местечко. Время было ещё раннее, публики немного. Полумрак и тишина располагали к беседе. Едва мы сели за дальний столик, знакомый владелец бара сразу принёс нам с профессором бадейку эля.

Я налил профессору пива в бокал и предупредил:

– Не налегайте сразу. Пока не акклиматизируетесь, может сильно ударить в голову.

– Последую вашему совету. – Аль-Баз пригубил и улыбнулся. – Неплохо. Даже лучше, чем я ожидал. Местное?

– Янтарное из Хеллас-сити. А вы думали, мы его с самой Земли импортируем? – Но стоило обсудить куда более насущные вещи, поэтому я перевёл разговор: – Так зачем вам

нужна эта кровь? Связавшись со мной, вы упомянули только, что вам нужен проводник для того, чтобы попасть в поселение аборигенов.

Некоторое время доктор аль-Баз ничего не отвечал, перекатывая бокал в пальцах, и наконец признался:

– Боялся получить отказ, скажи я всю правду. А вас мне сильно рекомендовали. Как я понимаю, вы сами родились на Марсе, а родители были из первопоселенцев.

– Удивлён вашей осведомлённостью. Верно, говорили с кем-то из прежних клиентов.

– Помните Иэна Хорнера? Антрополога из Кембриджского университета? – Такого типа не забудешь. Доктор Хорнер нанял меня проводником, но, если верить каждому его заявлению, он знал о Марсе куда больше моего. Но, оставив своё мнение при себе, я только кивнул. – Мы с ним приятели, – продолжил доктор аль-Баз, – ну или, если хотите, коллеги.

– Значит, вы тоже антрополог?

– Нет, – он отхлебнул пива. – Биолог-исследователь... точнее – астробиолог. Изучаю внеземные формы жизни. Пока мои исследования были связаны почти исключительно с Венерой, на Марсе я впервые. Ничуть не похоже на Венеру. Покрывающий там всю планету океан весьма интересен, но...

– Профессор, не хочу показаться невежливым, но не лучше ли перейти прямо к делу и объяснить, зачем вам нужна кровь м... – чёрт, едва не вырвалось, – аборигена?

Откинувшись на стуле, доктор аль-Баз сложил пальцы домиком.

– Мистер Рэмзи...

– Джим.

– Джим, знакомы ли вы с теорией панспермии? Согласно которой жизнь на Земле может иметь инопланетное происхождение, то есть могла быть занесена откуда-то из космоса?

– Нет, не слыхал... однако догадываюсь, что под «откуда-то» вы имеете в виду отсюда.

– Верно, я имею в виду – с Марса, – сказал он, постучав пальцем по столу. – Разве вас никогда не удивляло столь большое сходство землян и здешних аборигенов? Почему они так похожи, хотя их родные планеты отделяет друг от друга более семидесяти миллионов километров?

– Параллельная эволюция.

– Конечно. Полагаю, так вас учили в школе. Объясняют обычно сходством условий на обеих планетах, что привело к подобию путей эволюции, с тем отличием, что марсиане... простите, аборигены... существенно выше из-за меньшей силы притяжения, метаболизм их активнее из-за более низкой температуры, а кожа значительно темнее из-за более тонкого озонового слоя и так далее и тому подобное. Теории такие укрепились, потому что лишь с их помощью наблюдаемые факты поддаются объяснению.

– Да, и я слышал что-то подобное.

– Что ж, мой друг, всё вам известное не соответствует истине. – После этих слов он тут же мотнул головой, словно извиняясь за несдержанность. – Прошу прощения, я вовсе не хотел быть надменным. Однако я и ещё несколько моих коллег считаем, что сходство между хомо сапиенс и хомо артезиан нельзя объяснить одним лишь подобием хода эволюции. Мы полагаем возможным существование генетической связи между двумя видами и считаем, что жизнь на Земле... и в особенности человек как вид... могли зародиться на Марсе.

Тут доктор аль-Баз сделал паузу, давая время проникнуть значению слов в моё сознание. Надо сказать, они проникли на всю глубину, я уже стал подумывать, не сбрендил ли профессор. С натянутой улыбкой я спросил:

– Допустим. Что заставляет вас так думать?

Профессор поднял палец.

– Во-первых, геологический состав довольно большого числа метеоритов, обнаруженных на Земле, тождествен составу доставленных с Марса пород. Что вызвало к существованию теорию, согласно которой в отдалённом прошлом на Марсе произошло некое катастрофическое событие, взрыв страшной силы, возможно – извержение вулкана Дедалия или другого из цепи Альба... при котором вещество было выброшено в космическое пространство. Эти обломки в виде метеоритов попали на Землю, которая была тогда совсем молода. Возможно, метеоры содержали органические молекулы, засеявшие прежде безжизненную нашу планету жизнью.

Во-вторых, – профессор поднял второй палец, – при расшифровке генома человека одной из самых удивительных находок было обнаружение цепочек ДНК без какой бы то ни было заметной цели. Этаких лишних винтиков в механизме. И хотя такая цель отсутствует, цепочки всё же есть. И вопрос: возможно ли, что обнаруженные «лишние цепочки» – генетические биомаркеры, оставленные органическим материалом, принесённым на Землю с Марса?

– Так вот зачем вам понадобилась кровь марсианина? Проверить существование такого общего звена?

Он кивнул.

– Я привёз с собой оборудование, которое позволит хотя бы частично расшифровать генетический код полученного образца крови аборигенов и сравнить его с человеческим. И если туземный геном обладает теми же нефункциональными архаическими цепочками, что и найденные нами в геноме человеческого, это подтвердит верность гипотезы... что земная жизнь зародилась на Марсе и что наши оба вида генетически связаны.

Несколько секунд я промолчал, не зная, что сказать. Доктор аль-Баз теперь вовсе не казался мне сумасшедшим, как прежде. Гипотеза смелая, но действия вполне логичны. Если же она подтвердится – последствия могут быть потрясающими. Тогда шатаны окажутся близкими родственниками жителям Земли, а вовсе не некими примитивными племенами, которые мы застали на Марсе, прилетев его осваивать.

Не то чтобы я был готов поверить сразу. Воспоминания о всех встречавшихся мне на протяжении жизни шатанах никак не способствовали признанию общности с этим народом. Так, по крайней мере, я привык считать...

– Ладно, понял, чего вы хотите. – Я поднёс бокал к губам и не торопясь отхлебнул. – Но стоит заметить, что раздобыть пробу крови будет совсем не легко.

– Знаю. Как я понимаю, аборигены необщительны...

– Да уж, мягко говоря. – Поставив бокал, я начал объяснять: – Они никогда не желали иметь с нами никаких контактов. Экспедиция «Ареса-1» пробыла на планете три недели, прежде чем присутствие аборигенов было замечено, и ещё целый месяц до первого минимального контакта. На то, чтобы постичь их язык, ушли многие годы, а когда мы начали разворачивать тут поселения, дела только ухудшились. Куда бы мы ни прибывали, шатаны тут же покидали это место, пакуя все пожитки и сжигая дотла поселения, чтобы мы не смогли изучить покинутые жилища. С тех пор они сделали кочевниками. Торговли с нами они не ведут, да и культурный обмен весьма незначителен...

– Значит, до сих пор никому не удавалось получить от них никаких предметов, на которых могли бы остаться органические следы? Скажем, слюны, кожи или волос?

– Нет. Они ни разу нам не передавали никаких предметов своего изготовления, к любым прикосновениям относятся с недоверием. Помните облачение Тито Джонса? Оно тоже не подлинное, просто воспроизведено по фотографии.

– Но вы же выучили их язык.

– Только основы одного из диалектов, так сказать, пиджин-штан, – ответил я, рассеянно проведя пальцем по краю бокала. – Если вы ожидаете, что я стану для вас ещё и пере-

водчиком, то многого не ждите, моих знаний хватает только для выживания. Я смогу уговорить их не протыкать нас копьями, не более того.

Он удивлённо поднял бровь.

– Разве они опасны?

– Если вы будете вести себя достойно – нет. Но стоит вам позабыть о манерах, они могут стать... довольно агрессивными. – Мне не хотелось пугать его наиболее печально закончившимися историями, ряд прежних клиентов они отпугнули, поэтому я решил обнадежить доктора. – С некоторыми из живущих неподалеку аборигенов я встречался, поэтому они могут разрешить мне посетить их земли. Но я не имею представления, насколько они мне доверяют. – После некоторой заминки я добавил: – Доктору Хорнеру не особенно удалось продвинуться. Думаю, он упоминал, что они не допустили его к себе в поселение.

– Да. Но, по правде говоря, Иэн всегда был порядочной задницей, – тут я расхохотался, и он улыбнулся в ответ, – поэтому мне представляется, если отнестись к ним уважительно, то у меня будет больше шансов на успех.

– Вполне. – Иэн Хорнер прибыл на Марс с видом британского офицера, инспектирующего индийские колонии, и шатаны моментально уловили его снисходительный тон. В результате он так почти ничего и не выяснил и отправился восвояси, считая всех «або» «наглыми бестиями». Аборигены, в свою очередь, подумали то же самое о нём, хоть оставили в живых, и то хорошо.

– Так вы меня туда отвезёте? То есть к ним в поселение?

– Вы же меня за этим и наняли, поэтому... да. – Я снова взялся за бокал. – Ближайшее поселение в 150 километрах к юго-востоку отсюда, в оазисе возле канала Лестригонов. Добраться можно будет за пару дней. Надеюсь, вы захватили с собой тёплую одежду и туристские ботинки?

– Да, взял парку и ботинки. Но ведь у вас есть джип. Зачем же нам тогда передвигаться пешком?

– Мы будем ехать лишь до окрестностей поселения. Остаток пути надо будет пройти. Шатаны не любят моторных средств передвижения. А экваториальная пустыня – довольно суровое место, поэтому лучше подготовиться.

Он улыбнулся.

– Скажите... а разве я похож на того, кто ни разу не видел пустыни?

– Нет, но Марс – это не Земля.

Весь следующий день я готовился к поездке: забирал походное снаряжение из склада, который арендовал, закупал продукты и бутылки с водой, менял топливные элементы джипу и проверял давление в шинах. На случай, если доктору аль-Базу всё же не хватит привезённой с собой одежды на несколько дней поездки, я дал ему адрес местного экипировщика, но беспокоился я напрасно: профессор явно не относился к тому разряду туристов, которые считают, что в пустыне достаточно будет шорт и сандалий.

Приехав за ним в гостиницу, я, к своему удивлению, обнаружил, что профессор успел переоборудовать гостиную под лабораторию. На барной стойке красовались два компьютера, микроскоп и штатив с пробирками – на кофейном столике, а телевизор был сдвинут, чтобы освободить место для центрифуги. Прочее неизвестное мне оборудование было расставлено на комодах и тумбочках; на одном из аппаратов я заметил предупредительный знак «Радиация» и наклейку «Осторожно – лазерное излучение» на другом. Ковёр он застелил плёнкой, в шкафу даже висел лабораторный халат. Но доктор аль-Баз никак это не прокомментировал, он просто поднял с пола свой рюкзак и камеру, надел вязаную шапку и вышел за дверь вслед за мной, остановившись, только чтобы повесить на ручку двери табличку «Не беспокоить».

Туристы глазели на нас, когда он забрасывал рюкзак на заднее сиденье моего джипа: некоторые не перестают удивляться, что люди прилетают на Марс не только чтобы пить и просаживать деньги за игорным столом. Я завёл джип, и мы рванули прочь от «Джима Картера», через четверть часа уже выкатив за пределы города и двигаясь среди орошаемых полей, питающих Рио Зефириа. Постепенно алые сосны, которыми обсажены берега Маре Киммериум, поредели по обеим сторонам грунтовой дороги для фермерских грузовичков и трейлеров лесорубов, а потом исчезла и она: мы оставили колонию позади и направились в бездорожье пустыни.

Говорят, марсианские пустоши походят на пейзажи американского Юго-Запада, только всё вокруг красное. На Земле я никогда не бывал, но если кому-то в Нью-Мексико попадётся шестиногая тварь, похожая на мохнатую корову, или раптор видом как птеродактиль и хохочущий, как гиена, – киньте весточку. И держитесь подальше от ям, похожих на песчаную ловушку на гольфовом поле; тот, что там кроется, беспощадно вас сожрёт по частям.

Пока джип пробирался по пустыне, объезжая большие камни и подпрыгивая на мелких, доктор аль-Баз сидел, уцепившись за дуги безопасности, и во все глаза разглядывал разворачивающуюся перед нами картину. Видеть знакомые места глазами новоприбывших каждый раз доставляло мне удовольствие – один из плюсов моей работы. Я показал ему марсианского зайца, который улепётывал от нас во все лопатки, а потом ненадолго остановился, чтобы дать ему возможность запечатлеть стаю стахов, круживших над нами с возмущёнными криками.

Примерно в семидесяти километрах к юго-востоку от Рио мы добрались до канала Лестригонов, который тянулся от моря прямо на юг. Впервые заметив через телескоп эти каналы, Персиваль Лоуэлл счёл их искусственными ирригационными сооружениями. Он был почти прав: шатаны изменили направление имеющихся рек, чтобы те несли свои воды туда, куда аборигенам требовалось. Факт, что они достигли этого простейшими механизмами, работающими от мускульных усилий, не устаёт поражать, но земляне часто недооценивают шатанов. Возможно, они и примитивны, но отнюдь не глупы.

Мы ехали параллельно каналу, чтобы нас не заметили с проплывавших там лодок, если аборигенам вдруг потребовалось бы забраться так далеко на север. Мне очень не хотелось попадаться им на глаза до подъезда к поселению: они могли оповестить о нашем приближении, и тогда вождь успел бы отдать команду свернуть лагерь и откочевать дальше. Пока нам везло: единственным признаком близкого жилья был узкий деревянный подвесной мост, перекинувшийся через канал наподобие гигантского лука, да и тем, по-видимому, пользовались нечасто.

К вечеру местность вокруг сделалась гористой. Вокруг вздымались столовые горы, а между ними в небо тянулись массивные каменные столбы, на горизонте виднелись зубцы горного хребта. Я ехал почти дотемна и остановился на ночь вблизи очередного столба.

Пока доктор аль-Баз устанавливал палатку, я насобирав хвороста. Наладив костёр, я повесил над ним котелок и выложил туда банку тушёнки. Профессор догадался перед отъездом купить пару бутылок красного вина, мы откупорили одну и, поужинав, стали без спешки её распивать.

– Вот интересно, – спросил аль-Баз, когда мы закончили есть и вытерли котелок, тарелки и ложки, – почему вы стали проводником?

– То есть вместо того, чтобы пойти в крупье? – спросил я в свою очередь, пристраивая кухонную утварь у валуна. С запада устойчиво дул ветер, песчинки за ночь дочиستا выскребут любой жир. – Честно говоря, никогда не задумывался. Родители были из первопоселенцев, я родился и вырос здесь. По пустыне я начал бродить самостоятельно, едва только научился тут выживать, вот и...

– Вот именно. – Профессор придвинулся к костру чуть ближе, протянув к нему руки, чтобы согреться. Теперь, когда солнце зашло, надвигался холод ночи, дыхание вылетало облачками пара. – Большинству колонистов, похоже, нравится сидеть в городе. А когда я сказал о своих планах отправиться в пустыню, на меня стали смотреть как на сумасшедшего. Кто-то даже посоветовал купить оружие и застраховать свою жизнь.

– Эти советчики совершенно ничего не знают о шатанах. Те никогда не нападают без провокации, а самый верный способ вызвать агрессию – явиться к ним в поселение с огнестрелом. – Я похлопал себя по поясу, на котором висел нож в чехле. – Вот это самое серьёзное оружие, которое я могу себе позволить, если есть хоть малейшая возможность встречи с аборигенами. Основная причина, отчего они меня терпят, – я веду себя вежливо и уважительно.

– Думаю, большинство тут ни разу и аборигена-то не видели.

– Так и есть. Рио Зефириа – самая крупная колония благодаря туризму, но здешний народ предпочитает никуда не удаляться от своих ватерклозетов и кабельного телевидения. – Я присел с другой стороны костра. – Ну и пусть их. Я же остаюсь в городе только из-за туристов. Иначе давно бы переселился в дикие места и навевывался сюда, только чтобы пополнить припасы.

– Понятно. – Доктор аль-Баз плеснул в наши жестяные кружки ещё вина. Протягивая мне кружку, он сказал: – Возможно, я ошибаюсь, но, как мне представляется, вы не очень высокого мнения о ваших собратях-колонистах.

– Верно. – Сделав небольшой глоток, я поставил кружку на землю возле себя. Наутро предстояла встреча с шатанами, стоило сохранить голову ясной. – Мои предки прибыли сюда исследовать новый мир, но вслед за первопоселенцами понаехали... ну, вы же видели Рио. Старая история. Воздвигаем тут отели, казино, торговые центры, разводим на своих фермах инвазивные виды растений и животных, сливаем сточные воды в каналы, а каждый месяц два прибывает новый корабль с людьми, которые считают Марс таким Лас-Вегасом, только с меньшим количеством проституток... хотя и этого добра тут хватает.

Рассуждая, я запрокинул голову, чтобы посмотреть на небо. Там ясно светили главные созвездия – Большая Медведица, Дракон и Лебедь с Денебом в качестве указателя Севера. В городе Млечный Путь не очень виден, великолепие звёздного марсианского неба можно ощутить только в пустыне.

– Поэтому разве можно осуждать шатанов, которые не желают иметь с нами ничего общего? Им всё стало ясно с первого взгляда. – Припомнив вчерашние ассоциации, я хмыкнул. – А в старых фильмах всё перепутали: это не марсиане вторглись на Землю... а земляне на Марс.

– Не ожидал, что у вас накопилось столько горечи.

В голосе профессора проскользнула нотка обиды. А клиента не стоит расстраивать за его же деньги.

– Вы тут ни при чём, – торопливо добавил я. – Уж вы-то вряд ли бы засели за покер сутками напролёт.

Он расхохотался.

– Не думаю, что в университете бы одобрили оплату покерных фишек по статье расходов.

– Рад слышать. – Чуть поколебавшись, я продолжил: – Вот только... если вы обнаружите что-нибудь такое, отчего дела могут ухудшиться... не могли бы вы это оставить при себе? Люди тут уже и так массу дров наломали. Лучше не добавлять.

– Буду иметь это в виду, – сказал аль-Баз.

На следующий день мы нашли шатанов. Вернее сказать, они обнаружили нас.

Двинувшись дальше от места стоянки, мы продолжали ехать параллельно каналу Лестригонов, нёсшему свои воды среди пустынных холмов. Я несколько раз сверялся по одометру, и когда до того места, где, как я помнил, располагалось поселение аборигенов, оставалось не более пятидесяти километров, повёл джип уже по самому берегу. Доктору аль-Базу я велел внимательно смотреть по сторонам, чтобы не пропустить признаков пребывания тут шатанов – следов, стоянок, оставленных охотничьими отрядами, – но обнаружился куда более явный признак: ещё один подвесной мост, под которым проплывала лодка.

По каналам шатаны ходили на изящных катамаранах примерно десяти метров длиной с небольшой рубкой на корме под широкими белыми парусами, ловившими ветры пустыни. Поначалу кто-то перемещался по палубе, не замечая нас, но стоило одному из них заметить джип, раздалось улюлюканье – *уаллауаллауалла* – и все замерли на месте, глядя в нашу сторону. Затем другой шатан, стоявший на рубке, прокричал что-то, и все скрылись внутри, после чего туда через отверстие в крыше спустился и капитан. Буквально за несколько секунд катамаран стал судном-призраком.

– Вот это да. – Доктор аль-Баз был поражён и разочарован. – Надо же, они действительно не желают нас видеть.

– На самом деле они не хотят, чтобы мы видели *их*.

Профессор бросил на меня недоумённый взгляд.

– Они верят, что если их не видно, то они исчезают из внешнего мира. Переставая существовать и для нас. – Я пожал плечами. – Но, если подумать, в логике им не откажешь.

Убеждать команду судна показаться было бесполезно, поэтому мы отправились дальше. Стоило катамарану скрыться из вида, как сзади раздался трубный рёв, словно дули в огромный рог. Звук эхом отдавался меж отвесных обрывов столовых гор, затем последовали ещё два трубных сигнала, и всё смолкло.

– Если поблизости есть другие шатаны, они услышат сигнал о нашем приближении, – сказал я. – И станут повторять этот сигнал, передавая дальше, пока он не достигнет поселения.

– Значит, они о нас знают. Станут ли они прятаться, как остальные?

– Возможно. А может, и нет. – Я пожал плечами. – Как им заблагорассудится.

Довольно долгое время ничего больше не происходило. Примерно километрах в восьми от стойбища мы увидели ещё один мост. На этот раз возле него возвышались две фигуры. Они казались слишком высокими даже по меркам аборигенов, пока мы не подъехали ближе и не разглядели, что это были всадники верхом на могучих хаттасах – буйволоподобных шестиногих зверюгах с длинными шеями, которых жители Марса одомашнили и использовали в качестве вьючных животных. Но моё внимание привлекли не их скакуны, а вооружение и облачение: в руках аборигенов виднелись длинные копья, а грудь и плечи покрывали толстые кожаные доспехи.

– Ну вот, – тихо сказал я. – Не нравится мне это.

– Что не нравится?

– Я надеялся, что мы набредём на охотников, но эти ребята – воины. Они могут быть слишком... м-м, напористы. Держите руки на виду и не сводите с шатанов глаз.

Я остановил джип футах в двадцати от них. Мы вылезли из машины и медленно, с опущенными руками, направились к аборигенам. Тогда и воины спешились, но не пошли навстречу, а молча ждали.

Когда владельцы «Джона Картера» нанимали звезду баскетбола на роль шатана, они искали того, кто может сойти за аборигена Марса. Тито Джонс подошёл лучше всего для маскарада, но он был лишь весьма бледной копией. Стоявшие перед нами шатаны оказались не только выше него, их кожа была чернее ночи, длинные шелковистые волосы – цвета ржавчины, хотя некрупные черты лица – скорее под стать типу жителя Северной Европы. Оку-

тывавшие их красновато-белые одежды делали воинов похожими на бедуинов, а сжимавшие копья, оплетённые жилами руки были намного крупнее человеческих, с длинными ногтями.

Немигающий взгляд золотых глаз следил за каждым нашим движением. Когда мы подошли достаточно близко, воины выразительно упёрли древки копий в землю перед собой. Я велел доктору аль-Базу остановиться, а напоминать, чтобы он не отводил взгляд, не пришлось. Профессор разглядывал шатанов с благоговейным любопытством, как учёный, впервые добравшийся до изучаемого объекта.

Подняв руки ладонями вперёд, я сказал:

– *Исса тас соббата шатан.* (Приветствуем вас, славные воины-шатаны.) *Сейта наша-тан хаббала са шатан хейса* (Просим позволить путешествующим людям войти в ваши земли.)

Левый воин ответил:

– *Катас нашатан Хэмси. Сэйки шатан хаббала фа?* (Мы знаем тебя, человек Рэмзи. Зачем ты вернулся в наши земли?)

То, что они меня узнали, меня не удивило. Всего несколько человек говорили хоть немного на их языке (хотя моя речь и была для них, скорее всего, сродни детскому лепету) и знали путь к их жилищам. Вероятно, именно этих воинов я не встречал раньше, но они, вне всякого сомнения, слышали обо мне. И я постарался сдержать улыбку, услышав, как они исказили моё имя – шатанам не очень удавался звук «р». А сам продолжил объясняться по-шатански:

– Я привёз с собой гостя, который хочет больше узнать о вашем народе. – Протянув руку в сторону профессора, я сказал: – Позвольте представить вам Омара аль-Баз. Он – мудрый человек в поисках знаний.

Я специально воздержался называть его доктором, поскольку у аборигенов слово это обозначает лишь того, кто лечит.

– Люди не желают о нас ничего знать. Они лишь хотят брать то, что им не принадлежит, и портить это.

Я покачал головой. Как ни странно, у нас с ними именно этот жест имеет одинаковое значение.

– Это не так. Многие, но не все. У себя на родине аль-Баз – учитель. То, что он узнает от вас, он передаст своим ученикам, и таким образом о вас узнает больше людей.

– Что ты им говоришь? – прошептал доктор аль-Баз. – Я услышал своё имя, но...

– Ш-ш, дайте мне закончить, – прошептал я в ответ и продолжил вслух на языке аборигенов. – Вы проводите нас в своё стойбище? Мой спутник хочет попросить вашего вождя об одолжении.

Второй воин подошёл к профессору вплотную. Шатан возвышался над ним, являя собой угрожающее зрелище, но аль-Баз не отступил, продолжая смотреть ему прямо в глаза. Воин молча разглядывал его несколько мучительно долго тянувшихся секунд и наконец перевёл взгляд на меня.

– Чего он хочет от нашего вождя? Скажи нам, и мы решим, можно ли позволить ступить в наши земли.

Немного помолчав, я покачал головой.

– Нет. Его просьба только для ушей вождя.

Я рисковал. Отказывать шатанскому воину, стоящему на охране своих земель, – не самый лучший способ расположить его к себе. Но сообщив я им, что доктор аль-Баз собирается взять немного их крови, это вполне могло быть воспринято как враждебное действие. Лучше всего, чтобы профессор сам попросил вождя разрешения взять пробу крови у одного из людей его племени.

Через несколько молчаливых мгновений воин вернулся к своему товарищу и стал что-то обсуждать с ним.

– Что происходит, – шёпотом спросил профессор. – Что вы ему сказали?

В свой краткий отчёт я включил и объяснение рискованной игры, которую повёл.

– Полагаю, события могут развиваться тремя путями. Первый: они решат передать нашу просьбу вождю, и тогда вы получите то, чего хотите, если и дальше правильно поведёте игру. Второй: нас пошлют, и тогда мы просто повернёмся и уедем отсюда.

– Совершенно неприемлемо. Вернуться с пустыми руками я никак не могу. А каков третий путь?

– Они проткнут нас копьями, а потом порубят тела на кусочки и раскидают на съедение местному зверью. – Я выдержал паузу, чтобы сказанное дошло получше, и добавил: – Кроме голов, их они отвезут ночью в город и бросят у порога ближайшего дома.

– Вы шутите, ведь так?

Я не шутил. Не стоило рассказывать профессору о том, чем кончались для самоуверенных глупцов попытки без моего сопровождения проникнуть на территорию шатанов и что происходило с теми исследователями, которые переступали черту в общении с ними, он и без того был слишком напуган. Похоже, он понял, что я не преувеличиваю, потому что кивнул и отвёл взгляд.

Шатаны перестали совещаться. Не глядя на нас, они снова сели верхом на хаттасов. Я уже решил, что всё клонится ко второму сценарию, когда они направились к нам.

– Хасса, – сказал один из них.

То есть «пойдемте с нами».

И я облегчённо выдохнул. Значит, мы встретимся с вождём стойбища.

* * *

Со времени моего последнего визита стойбище изменилось. Когда шатаны перешли на кочевой образ жизни, их поселения являли собой группы складных шатров, которые быстро разбирались и перевозились на другое место. Но пробыв в этом оазисе довольно долго, аборигены, по всей видимости, решили тут закрепиться. Низкие глинобитные дома с плоскими крышами сменили многие шатры, а помосты вели к сооружаемой вокруг поселения каменной стене. Если у поселения имелось название, мне оно было неизвестно.

Мы порядком устали и натёрли ноги, когда наконец добрались до места. Воины, конечно же, велели нам оставить джип, разрешив взять с собой рюкзаки. Всю дорогу они не спеша двигались верхом перед нами, лишь изредка останавливаясь и давая нам передохнуть. Нам они больше не сказали ни слова, а на подъезде к оазису один из них достал витую раковину, похожую на огромный аммонит, и протрубил в неё. В ответ раздался такой же сигнал. Мы обменялись с профессором настороженными взглядами. Теперь уже точно поздно было поворачивать назад, о нашем приближении все были оповещены.

Когда мы вошли через наполовину достроенные ворота внутрь ограды, утопанные улицы были пустынные. Лишь привязанные перед жилищами хаттасы переступали с ноги на ногу. Все входы в шатры были задёрнуты, а узкие окна глинобитных домов закрыты ставнями. Но люди не покинули их, а лишь спрятались. Гнетущая тишина тревожила даже сильнее, чем копыта конвоиравших нас теперь сзади воинов.

В центре поселения были артезианский колодец и площадь, с одной стороны которой возвышалось глинобитное здание внушительных размеров с деревянной башней, где мы увидели первого здесь шатана. Дождавшись, когда мы подошли к самому входу в здание, он поднёс к губам раковину и подул. Наши воины остановили своих хаттасов, спешили

и жестом пригласили следовать за ними. Один из них отвёл в сторону тканое покрывало, служившее дверью, а второй провёл нас внутрь.

В комнате царил полумрак, только сквозь отверстие в потолке косо пробивался столб солнечного света. В воздухе стоял пряный аромат курений, кольца дыма плыли через световой столб и заставляли глаза слезиться. Вдоль стен стояло несколько шатанов со скрытыми под капюшонами лицами; точно можно было сказать только одно – все они были мужчинами, потому что женщин шатаны чужакам никогда не показывают. В тишине слышалась только мерная капель водяных часов: каждая новая капля означала, что протекли ещё две секунды.

Вождь сидел в центре комнаты. Кисти рук с длинными пальцами покоились на ручках вырезанного из песчаника трона, золотые глаза следили за нами сквозь пряди побелевших от времени волос. Никаких иных знаков власти вождя племени, кроме окутывавшего его духа всеобщего признания, заметно не было: он дал нам понять, что он тут главный, молча подняв, а затем опустив обе руки, а когда мы остановились, продлив молчание ещё на целую минуту.

Наконец он заговорил:

– *Эша шакай Хэмси?* (Зачем ты пришёл сюда, Рэмзи?)

Не думаю, что когда-либо видел его, однако вождь меня знал. Хорошо. Это немного облегчит переговоры. Я ответил на языке шатанов:

– Я привёл с собой человека, который хочет узнать больше о вашем народе. Это учёный человек, который учит и других, ищущих мудрости. Он хотел попросить тебя об одолжении.

Вождь перевёл взгляд с меня на доктора аль-Базу.

– Чего ты хочешь?

Я посмотрел на профессора.

– Что ж, теперь ваша очередь. Он хочет понять, чего вы хотите. Я буду переводить. Только осторожнее выбирайте слова... чтобы не задеть их гордость.

– Постараюсь. – Аль-Базу неплохо удавалось скрывать волнение. Он облизнул губы, собираясь с мыслями, и начал: – Скажите ему... скажите, что мне бы хотелось взять небольшую пробу крови у одного из членов его племени. Всего несколько капель. Мне это нужно, чтобы установить... то есть я хочу узнать... были ли у нашего и его народов общие предки.

Вполне уважительное изложение просьбы, на мой взгляд, поэтому я повернулся к вождю и повторил её без изменения. Единственным затруднением было слово «кровь», я не знал, как точно его перевести на шатанский, поскольку мы ни разу с аборигенами прежде об этом не говорили. Поэтому пришлось прибегнуть к описательному выражению «жидкость, текущая в нашем теле», указывая на вену на своей правой руке в надежде, что эта пантомима будет правильно понята.

Вождь понял верно. Он смотрел на меня с холодным негодованием, золотые глаза его сверкнули, губы на стоически спокойном лице сжались. Послышался ропот стоявших вокруг нас шатанов. Разобрать слов было нельзя, но тон был совсем не мирный.

Дело худо.

– Кто осмелился заявить, что шатаны и нашатаны имеют общих предков? – резко бросил вождь, сжав руки в кулаки и наклонившись вперёд. – Кто нашёл в себе дерзость заявить, что твой народ и мой хоть в чём-то похожи?

Я перевёл его слова доктору аль-Базу. Профессор чуть помедлил, потом заговорил, глядя прямо в глаза вождю, спокойным и размеренным голосом:

– Скажи ему, что никто в это не верит... Что это только гипотеза... догадка... и что я хочу либо подтвердить, либо опровергнуть её. Вот для чего мне нужен образец крови, чтобы установить истину.

Набрав в грудь побольше воздуха, я начал переводить объяснение профессора, в надежде что нам всё же удастся выбраться отсюда живыми. Вождь продолжал сверлить нас

взглядом, но уже чуть спокойнее. Несколько мучительно долгих секунд он молчал. И наконец принял решение.

Из складок одежды он извлёк костяной кинжал, вытащив его из ножен. При виде острого белого лезвия сердце у меня ёкнуло, а когда вождь встал и двинулся к нам, я решил, что жизни моей настал конец. Но вождь остановился перед доктором аль-Базом и, по-прежнему глядя тому в глаза, поднял свою левую ладонь и провёл по ней лезвием.

– Возьми мою кровь, – сказал он, протянув ладонь доктору.

Тут перевода не потребовалось. Доктор аль-Баз быстро сбросил рюкзак с плеч и извлёк из него сначала шприц, но потом выбрал пластиковую пробирку. Вождь сжал кулак и доктор собрал его тёкшую меж пальцев кровь в пробирку. После этого он добавил туда из крошечного флакончика пару капель антикоагулянта, плотно закупорил пробкой и кивнул вождю.

– Передай ему, что я высоко ценю его доброту и что я вернусь, чтобы сообщить ему результат.

– Да ни за что не вернёмся!

– Передай, – повторил профессор, по-прежнему не отводя взгляда от вождя. – В любом случае он достоин узнать результат.

Обещать вождю вернуться мне хотелось тогда меньше всего, но я выполнил просьбу профессора. Шатан ответил не сразу, рука его опустилась, кровь капала на пол.

– Да. Возвращайтесь и расскажите, что вы узнали. При любом исходе, – сказал он наконец и вернулся на свой трон. – А теперь уходите.

– Хорошо, – прошептал я доктору, чувствуя, что сердце вот-вот выпрыгнет из груди, – теперь, когда вы получили, чего желали, давайте скорее двигаться отсюда, пока голова на плечах.

Через пару суток я уже сидел в баре казино «Джон Картер» и, потягивая коктейли текила-санрайз один за другим, время от времени скармливал монетки игре в видеопокер, перед которой сидел. Выходило, что, если не глядеть по сторонам, тут не так уж и худо, и выпивка бесплатная для тех, кто не жалеет четвертаков для игровых автоматов. По крайней мере, тем я себя успокаивал. На самом деле крикливая обстановка казино создавала ощущение безопасности. Конечно, этот Марс был сущей выдумкой, но по сравнению с тревожной реальностью, окружавшей нас два дня назад, тут было спокойнее.

Омар аль-Баз был у себя наверху, анализировал кровь вождя на привезённом оборудовании. Вернувшись в город, мы сразу же отправились в отель, но когда стало ясно, что профессору понадобится немало времени для его шаманства, я решил спуститься в бар выпить. Вероятно, стоило бы отправиться домой, но возбуждение от долгой обратной поездки ещё не улеглось, поэтому я дал доктору аль-Базу номер своего мобильного и попросил позвонить, когда он что-то выяснит.

Я сам себе удивлялся. Обычно по возвращении из поездки я только и мечтал скинуть с себя пропотевшую за несколько дней одежду, откупорить банку пива и понежиться в ванне часок-другой. А вот теперь торчу тут, поглощая коктейли и демонстрируя полное невежество в покере. Бармен уже на меня поглядывает, а официанты стараются приблизиться с подветренной стороны, но мне плевать, что обо мне подумают. Это всё – поддельные марсиане, совершенно безвредные. А вот в присутствии тех, с которыми я встречался совсем недавно, за неверный взгляд можно было запросто расстаться с жизнью.

За все годы моих путешествий по неосвоенным землям я впервые перепугался до смерти. И не из-за тягот пустыни, а из-за тех, кто там жил. Никто из шатанов мне не угрожал ни в коей мере до того момента, когда вождь не вынул кинжала и не полоснул себе по ладони. Конечно, он сделал это, чтобы дать доктору аль-Базу немного крови, но его действия имели и другой смысл.

Это было предупреждение... а шатаны зря ими не разбрасываются.

Именно потому я и накачивался выпивкой. Профессора-то интересовал лишь добытый драгоценный образец, ни о чём другом он всю обратную дорогу и думать не мог, но я точно знал, что мы находились на волос от смерти, которая вряд ли была бы скорой и милосердной.

И всё же вождь дал кровь добровольно и даже попросил вернуться, когда профессор узнает правду. Это не укладывалось в голове. Почему, если сама мысль о родстве с людьми была для шатанов столь ужасающей, их мог заинтересовать результат проверки?

Я бросил в щель очередной четвертак, нажал на какие-то кнопки и снова выслушал сообщение о своём проигрыше, после чего стал озиаться в поисках принцессы, которая принесла бы мне ещё один санрайз. Но, очевидно, у этой Деи, Тувии или Зазы наступил перерыв, потому что её нигде не было видно, и я уже решил попытать счастья в игре снова, как меня привлекло движение на большом экране над барной стойкой. Там шли новости, и как раз подоспело время метеопрогноза. Слов метеоролога слышно не было, но рука его указывала на изображение облачного скопления к западу от Рио Зефириа, двигавшегося через пустыню к каналу Лестригонов.

Судя по всему, в Мезогее, прилегающем к Рио Зефириа пустынным регионе, назревала песчаная буря. Летом – самое обычное тут дело, и мы зовём их хабуками. Это арабское слово, означающее песчаную или пыльную бурю, успешно перекочевало с Земли на Марс. С такой скоростью буря достигнет окраины Рио завтра к вечеру. Хорошо, что мы успели добраться, быть застигнутым на открытом месте в такую погоду никому не пожелаешь.

Мимо прошествовала официантка, поправляя бретельку своего бикини. Я поднял пустой бокал и выразительно покачал им из стороны в сторону, официантка изобразила улыбку и двинулась к бару за пополнением. Я начал шарить по карманам в поисках ещё одного четвертака, чтобы она убедилась в моём участии в игре, но тут зазвонил телефон.

«Джим, вы ещё здесь?»

– Да, тут, сижу в баре. Спускайтесь, профессор, выпейте со мной.

«Нет! На это нет времени! Поднимайтесь ко мне прямо сейчас! Мне необходимо вас увидеть!»

– Что случилось?

«Поднимайтесь скорее! Сами увидите!»

Когда я постучался в номер доктора, аль-Баз сразу же открыл дверь. Увидев в руке у меня бокал с коктейлем, он выхватил его и осушил залпом.

– Боже, – выдохнул он. – Как же мне этого не хватало!

– Принести ещё?

– Нет... но сможете угостить меня, когда мы приедем в Стокгольм. – Смысл его слов ускользнул от меня, но уточнить я не успел, поскольку он потянул меня в гостиную. – Смотрите! – воскликнул он, показывая на монитор одного из компьютеров, стоявшего на барной стойке. – Это невероятно!

Я подошёл и уставился на экран. Там располагались бесконечные ряды букв А, С, Т, G в самых разнообразных сочетаниях и столбик пятнышек, похожих на тире, по правому краю. Пять строк комбинаций букв и пятнышек были выделены жёлтым.

– Ну-у, да, – сказал я. – Профессор, прошу прощения, но вам придётся...

– Вы не имеете ни малейшего понятия, что перед вами? – спросил он, и я потряс головой. – Это геном человека... генетический код, имеющийся в организме каждого человека. А вот эта часть, – рука, которой он указывал на выделенный участок, дрожала, – цепочки, идентичные частично секвенсированному геному из образца крови аборигенов.

– Они такие же?

– Совершенно. Ошибки нет... по крайней мер, компьютеры её не обнаружили. – Доктор аль-Баз набрал полную грудь воздуха. – Понимаете, к чему я веду? Гипотеза подтвердилась! Земная жизнь могла зародиться на Марсе!

Я продолжал глядеть на экран. До сего момента я не совсем всерьёз относился к предположениям доктора аль-База, слишком уж невероятными они казались. Но видя перед собой доказательство, я понимал, что, став фактом, оно может потрясти сами основы науки. И не только науки... самой истории, заставляя человечество пересмотреть представления о своём происхождении.

– Боже мой, – прошептал я. – Вы уже рассказали об этом кому-нибудь? Я имею в виду, на Земле?

– Нет, я испытываю искушение послать сообщение, но... нет, мне необходимо ещё раз подтвердить всё. – Профессор отошёл к окну. – Нам надо туда вернуться, – произнёс он ровным решительным голосом, глядя на огни города и за них, в темноту пустыни. – Нужно получить ещё одну пробу крови, у другого шатана. Если та же цепочка обнаружится и во втором образце – мы будем знать наверняка.

У меня по спине пробежал холодок.

– Не думаю, что это хорошая мысль. Вождь...

– Вождь сказал, что хочет узнать результат. Мы расскажем ему и объясним, что нам необходимо получить ещё один образец... совсем чуть-чуть... крови другого члена его племени, чтобы удостовериться. – Доктор аль-Баз оглянулся на меня через плечо. – Ведь это не слишком неразумная просьба?

– Не думаю, что он будет ей слишком рад, если вы об этом спрашиваете.

Он помолчал некоторое время, обдумывая мои слова.

– Что ж... тогда придётся пойти на риск, – сказал он наконец. – Если вас волнует оплата, я заплачу вам вдвойне за новую поездку... но мы должны отправиться как можно скорее. – Он продолжал глядеть в окно. – Наутро. Я хочу выехать завтра же утром.

Голова у меня уже совсем раскалывалась. Не надо было столько пить. Нужно было бы твёрдо сказать «нет», прямо сейчас. Но предложение оплатить новую поездку вдвойне было слишком щедрым, чтобы от него отказаться, деньги были мне нужны, это позволило бы оплатить жильё за два месяца вперёд. К тому же я был слишком пьян, чтобы вести спор.

– Хорошо, – сказал я. – Отправляемся завтра утром.

Вернувшись домой, я проглотил таблетку аспирина, сбросил наконец грязную одежду, принял душ и растянулся на постели. Но уснуть долго не мог. Лежал, уставившись в потолок, а в голове всё крутились мысли самого неприятного свойства.

Что предпримет вождь, после того как Омар аль-Баз сообщит о схожести крови шатанов и нашатанов до такой степени, что наши народы могут быть связаны кровным родством? Ему это не понравится, можно быть уверенным. Аборигены всячески старались не иметь ничего общего с земными пришельцами: стоило прибыть нашим первым кораблям, все специально удалились в самые неосвоенные районы и сделались кочевниками...

Но теперь они ведь перестали кочевать, верно? И тут значение виденного в их стойбище дошло до меня полностью. Это племя не только построило себе дома, но и возводило вокруг них стену. А значит, они собираются укрепиться там и предпринимают меры защиты. Они устали от нас скрываться и теперь окапываются.

Пока колонистов вполне устраивало существующее положение вещей, и на шатанов, полагая их избегающими общения дикарями, внимания никто не обращал. Однако, если люди поверят, что хомо сапиенс и хомо артезиан – родственные виды, всё переменится. У всех вдруг пробудится жгучий интерес. Вначале придут биологи вроде доктора аль-База и антропологи типа доктора Хорнера. И ладно бы... но вот вслед за ними потянутся

все прочие. Историки и журналисты, туристические автобусы и фото-сафари; предприниматели, ищущие способа подсутиться и срубить денег; миссионеры, пылающие стремлением обратить заблудшие души; и дельцы-застройщики, которые будут оттягивать друг у друга участки повыгоднее, с видом на живописные жилища аборигенов...

Шатаны не станут всего этого терпеть. Неизбежность дальнейшего развития событий станет ясна в тот же момент, когда доктор аль-Баз поведаст о своём открытии. Первым делом он прикажет войнам убить нас обоих. А потом...

Перед моим умственным взором предстали грядущие кошмары. Волна за волной шатанов обрушится на Рио Зефириа и другие колонии, гонимые твёрдым желанием навсегда избавиться от пришельцев. Конечно, вооружены мы были сильнее... но они возьмут числом и в конце концов захватят некоторое количество наших автоматов и научатся с ними управляться. Конечно, корабли доставят с Земли ещё солдат для защиты колоний, но история немилостива к завоевателям. Нас либо неуклонно начнут оттеснять, или же мы совершим геноцид, уничтожая целые племена и выгоняя единицы выживших ещё дальше в пустыню.

В любом случае исход неизбежен. Война придёт на планету, названную именем бога войны. Красная кровь прольётся на красный песок, человеческая и марсианская.

Надвигался ураган. И тогда, вспомнив о другом урагане, я понял, что должен сделать.

Через два дня меня нашли в пустыне, едва держащимся на ногах, целиком покрытого красной песчаной коркой, кроме участков вокруг глаз, где их защищали очки, отчего я стал похож на нелепого енота. Обезвоживание довело уже до помрачения сознания.

Нашли меня одного.

По иронии судьбы обнаружил меня другой проводник, сопровождавший семью из Миннеаполиса на прогулку в пустыню сразу за пределами Рио Зефириа. Едва завидев их, я упал без сознания и поэтому не помню, как они донесли меня до «Лендровера» проводника. Помню лишь пленительный вкус свежей воды в пересохшем рту и ангельски голубые глаза девушки, державшей мою голову на коленях всю тряскую дорогу до города.

Я ещё не встал с больничной койки, когда ко мне пришли с допросом из полиции. К тому времени я уже набрался сил, чтобы довольно внятно рассказать о произошедшем. Как любая правдоподобная ложь, моя основывалась на неопровержимых фактах. В пустыне вблизи гор нас неожиданно накрыл хабуб. Ослеплённый песчаными вихрями, я налетел на большой камень, и джип перевернулся. А потом, когда мы с доктором аль-Базом выбрались из машины, то сразу потеряли друг друга из вида. Я рассказал, как мне удалось найти укрытие с подветренной стороны скалы. И как профессор пропал в песчаной буре.

Каждое слово было правдой. Я лишь умолчал о некоторых деталях. О том, что я намеренно выехал в пустыню, хотя и знал о приближении хабуба, а потом, когда горизонт за западе окутался алой пеленой, настоял на продолжении пути, уверяя доктора аль-Базу, что нам удастся обогнать ураган. Я не стал говорить копам, что захватил только одни защитные очки с шарфом и не проверил, предпринял ли профессор необходимые меры защиты. И им не было надобности знать, что я намеренно наехал на тот камень, хотя без труда мог его объехать.

Рассказывая, как я слышал прерывающиеся крики Омара аль-Базу, который пытался звать меня в жалящей красной мгле, я разрыдался. И это было искренне. Я только не упомянул, что доктор аль-Баз прошёл в трёх метрах от моего укрытия, где я сидел в очках, замотанный шарфом. Что я так и продолжал сидеть молча, когда его смутный силуэт со слепо протянутыми вперёд руками проковылял мимо, а его рот и нос забивало песком, лишая дыхания.

Плакал я непритворно. Профессор мне нравился. Но добытые им знания делали его слишком опасным.

В качестве алиби моя история вполне сработала. Поисковый отряд обнаружил в пустыне перевернутый джип. Покрытое слоем песка в несколько сантиметров толщиной тело профессора Омара аль-База, упавшего ничком, было найдено в пятнадцати метрах оттуда. Ветер, конечно, замёл все следы, поэтому не было никакой возможности сказать, как далеко от меня он находился.

Это сняло все вопросы. Смерть профессора аль-База была сочтена несчастным случаем. С моей стороны не было никакого мотива для убийства и никаких признаков мошенничества. Если меня и можно было в чём-то обвинить, то разве в безответственной неосторожности. Что, конечно, бросало тень на профессиональную репутацию. И, собственно, всё. Расследование было официально закрыто в тот день, когда меня выписали из больницы. И тогда я осознал две вещи. Во-первых, что убийство мне сошло с рук. А во-вторых, что оно было далеко не идеальным.

Доктор аль-Баз не захватил с собой образец крови вождя, а оставил его в своём номере. Как и всё оборудование. Туда входили и компьютеры, с помощью которых он проводил анализ, в чьей памяти хранились результаты, а также заметки, которые он мог оставить. Собственно, с собой в поездку профессор захватил только ключ от номера... который я не подумал забрать с мёртвого тела.

Проникнуть к нему в номер я не мог – это тут же бы возбудило подозрения. Поэтому мне осталось лишь наблюдать из вестибюля гостиницы, как через пару дней носильщики выкатили тележку с оборудованием, вновь упакованным в контейнеры для транспортировки, сначала на шаттле из космопорта на Деймос, а оттуда на лайнере на Землю. Через несколько месяцев они попадут в руки университетских коллег профессора. Те откроют файлы, проверят последние записи, узнают об открытии погибшего доктора и изучат полученный им образец. И тогда...

Что ж. Тогда и увидим, верно?

И вот я сижу один в баре по соседству с домом, пью и жду, когда грянет буря. А в пустыню больше не езжу.

Мэтью Хьюз

Мэтью Хьюз родился в Англии, в Ливерпуле, но большую часть жизни провел в Канаде. Он работал журналистом, официальным спичрайтером в министерствах юстиции и окружающей среды Канады, затем как свободный корпоративный и политический спичрайтер провинции Британская Колумбия, перед тем как полностью перейти на положение писателя. При ясно прослеживаемом и значительном литературном влиянии Джека Вэнса Хьюз создал себе репутацию, убедительно детализируя невероятные приключения таких не слишком озабоченных следованию правилам героев, как преступный гений со Старой Земли (Вэнса) Лафф Имбри, который действует в эпоху как раз перед Умиравшей Землей Вэнса в серии романов и повестей, включающей «Fools Errant», «Fool Ale Twice», «Black Brillion», «Majestrum», «Hespira», «The Spiral Labyrinth», «Template», «Quartet and Triptych», «The Yellow Cabochon», «The Other», «The Commons», и три сборника рассказов – «The Gist Hunter and Other Stories», «9 Tales of Henghis Hapthorn», and «The Meaning of Luff and Other Stories»... В последние годы он обратился к городскому фэнтези и написал трилогию «To Hell and Back: The Damned Busters», «Costume Not Included» и «Hell to Pay». Он также пишет детективы под именем Мэтт Хьюз и новеллизации как Хью Мэтьюз.

В этом осеннем рассказе, предлагаемом вашему вниманию, он показывает нам, что каждый видит тот Марс, какой ему и видится в мечтах, – и, возможно, получает от Марса то, что заслуживает.

Мэтью Хьюз Гадкий утенок

Почти целый час времени и ушел на езду среди голубых холмов, отделяющих базовый лагерь от костяного города. На самих высоких местах этой сильно петляющей древней дороги из белого щебня и без того разреженная марсианская атмосфера явственно ощущалась еще более разреженной. Он медленно набрал полные легкие марсианского воздуха, а черные точки уже пританцовывали на периферии зрения, и на крутых участках он испытывал беспокойство, вписывая в извивы дороги джип горнодобывающей компании «Нью-Арес».

Он бы мог доехать в три раза быстрее и гораздо безопаснее – параллельно высохшему каналу по заглаженному, как стекло, дну моря. Затем он мог бы пронестись пятнадцать миль по его затянутой ковром пыли поверхности к плато, огороженному волноломом, который не видел прибой уже десять тысяч лет. Башни мертвого марсианского города стояли как застывшие фигуры нерешенного шахматного этюда, белые против тускнеющих небес. В том месте, где город выходил к берегу, вдоль дороги, по обе её стороны в ряд стояли приплюснутые, приземистые строения, без окон, но со сводчатыми дверями из обветренной бронзы. Могли ли это быть гробницы? До сих пор оставалось неизвестным, как марсиане поступали с умершими. Его раздумья на этом месте прервал короткий писк наручного браслета радиосвязи, брошенного им на пассажирское сиденье, и голос Реда Боумена произнес:

«База – Мэзеру, приём».

Он подхватил браслет, нажал на танкетку микрофона и ответил:

«Мэзер, приём».

«Скоро прибудете на место?» – спросил руководитель команды. Мэзер уловил в его голосе нотки подозрительности.

«Как раз сейчас въезжаю в город».

Какое-то время радиобраслет молчал, а затем заговорил:

«Где тебя только носило? Ты должен был быть на месте уже час назад».

«Я поехал через холмы».

«Это зачем?»

«Думал, так может быть быстрее. По карте казалось, что короче».

Мэзер кривил душой. Причина была в ином: он хотел ехать по совершенно пустой дороге. Ему хотелось хоть на короткое время иметь возможность представить и почувствовать себя единственным землянином на всем Марсе, а не так, как сейчас, единственным археологом.

Радиобраслет вновь, с легким потрескиванием, обратился к нему:

«Мы должны идти по графику, умник. Сейчас следует надежно установить транспондеры, а затем живо сюда, мучо-мучо pronto».

Боумен не сказал в конце «приём», но Мэзеру уже хотелось подтвердить получение информации и выйти из связи, когда голос шефа продолжил:

«И обратно на базу, по дну моря, без выдумок. Разобьёшь джип – сразу собирайся в обратную дорогу, на Землю, на первом же корабле, с удержанием всех выплат и премий».

«Принял. Сеанс связи окончен», – ответил Мэзер. Он отложил радиобраслет и направил машину в открытый проезд между колоннами в виде двойных спиралей, вырезанных из кости, к небольшой площади, обставленной двухэтажными белыми строениями с узкими прорезами окон и дверных проемов.

Марсиане выглядели легкими и грациозными, с бронзовой кожей и золотистыми глазами, они часто надевали маски, когда куда-то выходили: мужчины – серебряные или голу-

бые, женщины – малиновые, дети – золотые. Когда-то, еще на Земле, он рассматривал снятые издали видеоматериалы тех самых первых экспедиций, которые не вошли в историю как успешные по не выясненным до конца причинам. Полученных же с более близкого расстояния постконтактных изображений того времени марсиан не имелось, из-за разрывавшейся между третьей и четвертой экспедициями эпидемии терраны – болезни, к которой у тех не было иммунитета и которая убила их почти поголовно в течение нескольких недель. То, что потом нашли в их домах, напоминало высохшие листья на истонченных сухих ветках-косточках, пол был усеян горами таких костей.

Мэзер лелеял мысль о встрече с марсианами, хотя и знал, какими они могут быть странными. Учёные склонялись к мнению о преобладании у них телепатического контакта, хотя манера мышления у них явно была перпендикулярна человеческому здравому смыслу.

Временами рассказывали истории о выживших марсианах, которых встречали в уединенных местах, вроде голубых холмов позади него. Ещё одна причина, по которой Мэзер выбрал как раз эту дорогу, ведь всё может быть. Он сидел в джипе и внимательно рассматривал всю видимую ему часть города.

«Сначала получи хорошее общее представление о картине в целом, – советовал ему научный руководитель, – перед тем как погрузиться в детали. Тогда они быстрее начнут складываться в закономерности и тебе удастся избежать долгого блуждания по тупикам».

Площадь обладала единственной заметной достопримечательностью. В центре, окруженная открытым пространством, располагалась внушительных размеров круглая конструкция из четырёх поднимающихся друг над другом концентрических колец из белого материала, который скорее всего был костью, поэтому мертвый город и называли «костяным».

Наверху из самого маленького верхнего кольца виднелась по центру бронзовая труба. Вытекающая из нее вода могла бы образовывать первый из четырех уровней водного каскада, затем ниспадать через край, заполняя поочередно каждый следующий уровень. Впрочем, ни капли жидкости не выпадало здесь уже многие тысячелетия, эта часть Марса считалась брошенной, после того как моря высохли, а дожди, огладившие некогда местные холмы, перестали добираться сюда от зеленых вод.

Закончив свой обзор, Мэзер выбрался из джипа, прицепил радиобраслет к поясу и подошел к самому ближайшему строению. Входная дверь была слегка приоткрыта, но ему пришлось распахнуть её полностью, чтобы хоть как-то протиснуться внутрь. Он оказался в круглом фойе, декорированном по кости сетью линий из меди, когда-то поблескивавших, теперь же матово-зеленых, инкрустированных в белую твердь. Некоторые из них были прямыми, другие изогнутыми. Они пересекались под странными углами и вызывали у Мэзера зрительное ощущение намечающихся и исчезающих трёхмерных образов. Появилось впечатление наваливающейся, обволакивающей его глубокой тишины среди и без того безмолвного мертвого города. По мере того как он продолжал пристально всматриваться, пытаясь понять смысл образов и форм, заключенных в этой матрице, линии начали двигаться согласно своему внутреннему ритму. Нарастало головокружение. В какой-то момент он увидел перед собой бесконечную глубину открытого пространства, и в следующий миг чуть было не начал туда падать.

Вскинув руки, он плотно прижал ладони к глазам и стоял так, пока медленно не досчитал про себя до десяти. Когда он отвел ладони, перед глазами стояла прежняя картина множества зеленовато-синих линий из вкрапленной в кость меди. Но они немедленно возобновили свое движение. Мэзер решительно перевел взгляд вниз на пол, где свивались спиральные узоры из золотой и серебряной мозаики – потускневшие, наполовину засыпанные марсианской пылью, набившейся через дверной проем. По крайней мере, хотя бы эти узоры стояли на месте. Радиобраслет опять зашипел и пискнул.

«База – Мэзеру, – произнес голос Боумена, – мы не наблюдаем ни одного сигнала транспондера».

Мэзер выбрался наружу.

«Я в самом городе, как раз сейчас определяю наиболее подходящие места», – ответил он.

Задние сиденья джипа были сняты, их место занимали большие деревянные ящики с крышками на защелках. Внутри, в упаковочных гнездах находилось несколько дюжин небольших черных плашек, каждая из которых и являлась транспондером с телескопической стальной антенной, вытягивающейся из верхней панели, и красным тумблером включения. Задача Мэзера состояла в создании из этих устройств некоего подобия сети. После размещения каждого из них ему вменялось в обязанность перебросить тумблер в рабочее положение. Транспондеры предназначались для трансляции сигнала, который должен был намечать план древнего города и переносить его в электронный мозг гигантской гусеничной машины, которая, скорее всего, уже сейчас внушительно выползала из базового лагеря, направляясь к высохшему морю. Сегодня её со всеми предосторожностями опустят на дно высохшего моря и погрузят на платформу многоколесного транспортера. Завтра вся эта конструкция преодолеет оставшуюся часть пути до костяного города, где машину выгрузят у основания покатой рампы с лесенкой наверху, откуда, по-видимому, древние марсиане когда-то отплывали на своих сверкающих кораблях.

После чего этот левиафан медленно и тяжело въедет в сам город, раздвинет свои гидравлические захваты и начнет крошить костяной город, участок за участком, своей механической пастью. Этот мегаагрегат станет перемалывать город, дом за домом, сепарируя и отделяя металлы и камни от кости, основного материала, из которого марсиане и построили это место. Ничего не стоящие камни будут извергаться тут же, металлы – прессоваться и выходить в виде кубических блоков.

Металлы, конечно, представляли ценность, но тут дело было в кости. Она будет измельчена, размолота и загружена в прицепной трейлер позади этого механического чудища. Когда трейлер наполнится, его отцепят и на его место станет другой. Нагруженный трейлер присоединят к трактору, и восьмиколесник отправится в путь через сухое море, пока не достигнет марсианской сети каналов и дорог. Затем груз доставят к одному из вновь выстроенных земляными городов, где его распределят по фермерским хозяйствам: марсианская почва, хоть и простояла тысячелетия под парами, плодородия так и не восстановила.

Кости из остовов марсианских городов послужат основным удобрением будущих урожая для десятков тысяч землян, прибывающих с каждым месяцем на армаде серебристых ракет, что прошивают туда и обратно темное пространство между мирами.

Мэзер был из самых недавно прибывших. Он не сумел раздобыть поддержку для прилёта на Марс в качестве археолога. Этот новый-древний мир нуждался в кряжистых пионерах-первопроходцах, а не в яйцеголовых очкариках, так ему и сказали. Археологи протестовали против разрушения древних марсианских городов, и поэтому компания постоянно заботилась о том, чтобы не подпустить их даже близко.

И тогда Мэзеру пришлось придумать резюме, которое, правда, не выдерживало самой поверхностной проверки, но... добывающая компания «Нью-Арес» набрала доходных контрактов и остро нуждалась в людях для разработок костяных городов. Мэзер вылетел следующей же ракетой. Перелет был долгим, скрыться там было некуда. Люди, с которыми он должен был вместе работать, быстро вычислили, что Фред Мэзер, в отличие от них, не прибыл, как они, из угольных шахт Кентукки или с нефтяных полей западного Техаса.

Его руки были слишком нежными и шея недостаточно загрубелой. Руководитель команды, Ред Боумен, ветеран аляскинских золотых приисков, сразу определил его как

городского домашнего мальчика, подрядившегося на работу, которая немилосердна к новичкам.

Мэзер работал быстро, проходя город по определенным направлениям и размещая транспондеры согласно сетевой схеме, полученной аэрофотосъемкой с собственной ракеты компании «Нью-Арес». Через два часа после начала он перебрал в рабочее положение переключатель на последнем установленном устройстве и затем вернулся туда, где оставил джип.

Он поднял капот, снял патрубок с карбюратора и всыпал щедрую щепотку марсианской пыли в поплавковую камеру. Затем связался по радио с базой: сообщить, что транспортное средство работает с перебоями, – он подозревает засорение карбюратора или топливопровода, – поэтому он останется здесь в городе на ночь и устранит неполадки к утру.

«Не хотелось бы перевернуться на джипе при возвращении в темноте, – сказал он. – Тут дороги могут довольно сильно обледеневать, как я слышал».

Боумен отсутствовал из-за перерыва на ужин. Оператор ответил:

«Информацию принял. Свяжемся с вами завтра. База, конец сеанса».

При теряющем яркость солнечном освещении Мэзер стал копаться под передним сиденьем джипа и извлек из выдвигающегося отсека выдавшую виды экспедиционную сумку, где хранился его полевой журнал, и мощный фонарик.

– О'кей, – сказал он себе, – посмотрим, чего мы можем достичь.

Бессмысленно было говорить директорам и акционерам горнодобывающей компании «Нью-Арес», какое бесценное сокровище представляют собой костяные города Марса. Бухгалтеры и инженеры «Нью-Арес» уже исчислили весь доход: эти города были для них бесценны только поскольку за них никакой цены не пришлось платить, однако прибыль от их утилизации, как богатого месторождения, изначально уже могла оцениваться в десятки миллионов долларов с перспективой быстрого роста до сотен миллионов. Представлялось вероятным в случае, если поток колонистов на Марс останется стабильным и обнаружатся другие костяные города, – чистый доход компании «Нью-Арес» мог достичь и миллиарда.

– Только представь себе, – говорил один из его соконтрактников во время перелета, когда они покачивались в рядом подвешенных гамаках пассажирского отсека. – Миллиард долларов. И мы собираемся быть частью этого.

– Да, – ответил Мэзер. – Надо же.

Марсиане в основном строили свои города из камня и металла, самоцветов и стекла. Они пускали воду по проделанным в полу протокам – для охлаждения комнат и, как Мэзеру представлялось, своих изящных и стройных ножек, а также для гидропонного выращивания фруктов прямо в стенах домов.

Но в некоторых областях планеты в определенный период это было особым стилем, а возможно, так требовал ритуал – строительство велось из кости. Марсианские архитекторы создавали стены и перекрытия домов из тонких костяных панелей, которые, должно быть, получали срезанием тонких слоев, наподобие древесины ценных пород, каких-то огромных костей гигантских морских обитателей. Иногда огромные ребра и кости конечностей использовались целиком как структурные элементы, декоративно обрезанные с квадратным или круглым сечением, доведенные обработкой до нужного размера, часто в виде резных орнаментированных колонн и фриз. А в перемолотом виде этот костяной материал соединялся с негашёной известью для получения прочного бетона для дорог и порогов домов.

Возведенные из кости дома были наполнены воздушно-легким и равномерно рассеянным мягким светом, не отбрасывавшим теней. Этот материал обладал также пористостью, так что комнаты дышали даже и при плотно закрытых бронзовыми ставнями узких окнах. Стены также обладали способностью больше поглощать, чем отражать звук; Мэзер пред-

ставил себе приглушенные беседы в марсианских комнатах, где даже гомон и шумные игры золотоглазых детей притихали и умиротворялись.

Он наугад заходил в дома, быстро проходил по пустым коридорам, чтобы осмотреть комнаты и спальни. В основном везде было пусто, обитатели этих жилищ собирались в дорогу явно не в спешке. Изредка он находил кое-что из мебели – по преимуществу костяной с металлическим каркасом, менее долговечные деревянные части давно уже рассыпались.

В углу одной из комнат, наверху, он нашел костяной стол с беспорядочно лежавшими на нем марсианскими книгами. Он слышал о таких: страницы из тонкого серебра испещрены змееподобными символами, что нанесены несмываемыми голубыми чернилами. Никто еще пока не смог прочесть их, хотя кому-то, по слухам, все-же удалось, и он сошел с ума. Ряд последовавших убийств замалчивались.

Мэзер пролистал книги, но ничего не смог отметить, кроме изящного вида и тонкой работы. Он остановил взгляд на одной из страниц и всматривался в нее почти минуту, ожидая, не начнут ли его затягивать закручивающиеся и изгибающиеся узоры символов, как это случилось в зале со стенным декором, при этом приготовившись отбросить книгу, если начнется что-то необычное. Но ничего не произошло. В итоге он уложил эти артефакты в свою сумку – вопиющее и преднамеренное нарушение условий подписанного им контракта – и вышел наружу.

Город спускался по пологому склону, от равнин к тому месту, где когда-то было море; скальные уступы, на которых он был возведен, также сходили на нет, по направлению к теперь уже исчезнувшим волнам. На кончике мыса марсиане устроили широкую площадь, на этот раз – без фонтана. Площадь вымостили тысячами мозаичных плиток, их первоначальные яркие цвета и краски выцвели на солнце до светло-пастельных оттенков, так же, как и фигуры, составленные из них и окаймляющие площадь: стилизованные волны и морские корабли под парусами, голубые на бронзовом фоне, окружили гигантское извивающееся морское существо с огромными глазищами и треугольными плавниками.

Широкий лестничный марш со ступеньками из костяного бетона вел вниз от этого просторного открытого места к гавани бывшего городского порта, где два полукруглых причала образовывали защищенное водное пространство, сообщаемое с морем через неширокий проход, где лишь двум марсианским блистающим, со стремительными обводами, кораблям можно было разминуться.

Строения, стоящие по краям этой площади, были величественней тех домов, куда он заходил до сих пор. Входы здесь закрывали широкие металлические двери с резными колоннами по бокам. Створки дверей были покрыты выступающей вязью змееподобных букв. В отличие от предыдущих домов, эти двери были плотно затворены.

Археологу естественно интересоваться эпизодами непонятного поведения в истории исчезнувших народов. Придерживались ли марсиане в день, когда они покидали свои дома, обряда, предписывавшего им оставлять дверь навсегда открытой? Дополнялось ли это требованием запечатать врата и входы в общественные здания, обычно, как предполагал Мэзер, широко распахнутые?

Он не знал ответа, и неизвестно, узнает ли, но с немалым удовольствием представит ряд обоснованных спекуляций в статьях для научных журналов, когда наконец вернется на Землю, единственный среди всех своих коллег с таким уникальным полевым сезоном. С дрожью от приятного волнения Фред Мэзер взялся за выступы на створках бронзовых дверей и потянул их на себя.

Врата легко раскрылись, и он вошел в просторное, залитое светом пространство. Внутри здание представляло единый объем, перекрытый высоко сверху куполом из тончайшей полупрозрачной кости, и мягкий ровный свет освещал множество рядов сидений, спус-

кавшихся амфитеатром от входа до плоского дна. Там возвышался огромный куб из белого камня, плоскость его верхней грани находилась чуть выше уровня сидений верхнего ряда.

Обращённая к нему грань была украшена сложной замысловатой резьбой с инкрустациями из позеленевшей меди, наподобие той, что встретила ему в первом доме, куда он заходил. Геометрический узор притягивал взгляд, и его шаги невольно замедлились. Он уселся в кресло примерно на полпути к основанию чаши амфитеатра. На этот раз он собирался подробно изучить эффект. Отведя взгляд в сторону, он достал свой полевой журнал, отстегнул ручку от пружинки переплета и глубоко вздохнул.

Затем снова взглянул на куб. Как он уже успел заметить, на какой бы фрагмент узора он ни смотрел, его взгляд неизменно притягивался к центру и переходил на него. Внезапно двумерное изображение открылось в глубину, и, не пытаясь уклониться и избежать продолжения, он стал пристально всматриваться в эту глубину.

Не в силах отвести взгляд, он поднял руку перед собой до уровня глаз, а затем использовал её для перекрытия изображения, чтобы вкратце описать эффект. В один из моментов он снова приподнял руку, посмотреть, сможет ли он набросать эскиз этого геометрического узора, выполненного зеленым по белому – однако немедленно возобновился эффект втягивания, на этот раз еще более сильный, – и ему снова пришлось руками плотно до темноты закрывать себе глаза, во второй раз с тех пор, как он обнаружил этот эффект.

Из сумки пискнул радиобраслет. Мэзер не обратил на это должного внимания, продолжая писать. Раздался голос Реда Боумена, резкий и неуместный в атмосфере марсианского дома.

«База – Мэзеру, приём».

Археолог игнорировал эти обращения, продолжая делать записи. Он ощущал предчувствие открытия чего-то нового и удивительного, приобретение качественно нового, трансформирующего обычные знания, перехода от «невероятного» к «очевидному».

Голос Боумена снова нарушил ощущение момента. Мэзер полез внутрь сумки выключить радио, но череда соображений остановила его порывистое движение – если он не ответит, то могут счесть, что с ним произошёл несчастный случай, и придут спасать, а тогда захотят увести его отсюда... от этого... неведомого, что может его наполнить...

«База – Мэзеру, у тебя всё в порядке?»

Он включил микрофон.

«Мэзер – базе. Какой вопрос?»

«Почему так долго не было ответа?»

Ложь получилось гладкой:

«Промывал карбюратор. Нужно было протереть руки, прежде чем браться за радио».

Наступила тишина. Он так и видел недовольное лицо Боумена, переваривавшего информацию, пропуская её через фильтры своего нескрываемого недоверия к желторотому новичку, который вызывал у него неприязнь, подобно всем прочим фредам мэзерам этого мира, белоручкам, изъясняющимся многосложными словами и длинными предложениями. Ему, вероятно, всегда казалось, что люди вроде Мэзера тайно припрятывают книги, которые следовало бы сжечь на большом публичном костре, которые Боумен отлично помнил из детства, когда правительство решило избавить людей от всякой чепухи.

Наконец Боумен сказал:

«У нас могут быть проблемы с доставкой комбайна по рампе на дно моря завтра. Спуск круче, чем казался. Поэтому прибытие может быть не по графику».

«О'кей, – ответил Мэзер, – это на мне никак не скажется».

«Но мы все будем заняты. Так что, если не сможешь завести джип, некому будет пока подъехать за тобой».

«О'кей».

«Или подвезти еду и питьё».

Мэзер пожал плечами.

«У меня есть сэндвичи и примерно галлон воды. Запасов хватит».

«Ну что ж, дело твоё, – произнес Боумен. – Я бы не задерживался в тех местах. Люди там видели привидения».

Он выключил радиобраслет и забросил его обратно в сумку. Затем методически довершил свои полевые заметки. Всё это время он прикрывал глаза от куба с геометрическими узорами и фигурами. И вот теперь, затаив дыхание, произнес: «Хорошо, начали».

И решительно опустил руку. Казалось, геометрический узор потянулся к нему навстречу. Непроизвольно выдохнув, Мэзер кивнул и тут же изумлённо ахнул.

То был знаменательный вечер накануне Единения с морем. Перед тем как спуститься на площадь в гавани, он пригласил соседей отужинать. Жена приготовила яства и вынесла на золотых тарелках во внутренний дворик, где они сидели на костяных креслах и пили настойку на плодах деревьев из их сада.

Беседа велась неторопливо и размеренно. Как и все близкие соседи, эти две супружеские пары дружили семьями. Они обсудили общих знакомых; мужья сравнивали свои ожидания от нынешнего сезона охоты на холмах, жены выясняли детали представлений, которые собирались посетить, – большей частью возобновленные, хотя все ждали и новой пьесы драматурга из-за моря с растущей репутацией автора, сознательно провоцирующего аудиторию.

Когда трапеза была закончена и завершающий тост произнесён, они отправились на фестиваль по уже вечерееющим улицам в свете хрустальных факелов и влились в потоки золотоглазых горожан, одетых в праздничные одежды. Все были без масок, в этот вечер не подобало скрывать чувств. Приморская площадь сплошь заполнилась народом. Весь город пришел сюда. Самым старшим предоставлялись места на ступеньках близстоящих зданий, самые маленькие сидели на плечах своих родителей, таким образом, все могли быть свидетелями Единения. Группа музыкантов играла фестивальным гимн, и толпа раскачивалась в лад древней мелодии.

Когда стихли последние ноты, все повернулись к гавани. Лодки, которые обычно сновали по круглой акватории порта, выстроились у причальных стенок, пришвартованные к бронзовым кольцам либо друг к другу, оставив открытой прямую широкую полосу водного пространства от ступенек лестницы к морю, к несомкнутым дугам двух молвов.

Один из музыкантов взял протяжную, волнующе вибрирующую ноту на своей многострунной лире. Все на площади, как по команде, повернулись вперед. И в унисон запели, от каждого исходил звук, средний между вздохом и стоном. Звуки сливались в единый тон, который нарастал не столько по громкости, сколько по чистоте. Этот чистый тон поднимался над всей площадью, словно невидимый туман, нисходил потоком по ступеням лестницы и далее растекался над гаванью и над всем морем. И вместе с ним разносился призыв. Минуты шли за минутами, уже складываясь почти в час, а звук не ослабевал, все больше сливая собравшихся в едином призыве. Затем невдалеке от входа в гавань спокойное летнее море плеснуло: раз, потом другой. Треугольный хвост поднялся и плашмя, плавно, с мягким всплеском опустился в воду. Показалась темная влажная спина, и затем исчезла, чтобы снова появиться уже в полосе водного пространства между двумя рядами лодок.

Монотонное пение звучало теперь мощнее. Золотые глаза ярко сияли в мерцании факелов. Волна накатилась на нижние ступени лестницы, а когда вода потекла назад, море расступилось. Широкогорлая голова восстала оттуда, глаза размером с обеденное блюдо отливали не золотом, но напоминали темные халцедоны, обрамленные серебром.

Хвост морского чудовища сильно бился и своим движением приподнимал его голову и передние плавники над водой на ступени лестницы. Монотонное пение звучало неотступно. Хвост работал бешено и, упершись о дно, вытолкнул извивающееся тело; оно то выгибалось дугой, то выпрямлялось, и по мере того как морская вода стекала с темной бороздчатой кожи обратно в море, призываемое животное продвигалось по ступеням вверх, пока его голова не легла на мозаичное панно площади.

Наступила тишина. Женщины забрали детей и отвели их к тем, кто был постарше, в то время как мужчины, сходя по ступенькам лестницы, обступили морское чудовище с обеих сторон. Над городом висело черное небо со звездами, напоминающими костяную крошку. Музыкант ударил по другой струне. Мужчины извлекли кривые ножи и застыли в ожидании финальной ноты.

Фред Мэзер очнулся и обнаружил себя в почти полной темноте на верхних ступеньках лестницы над бывшей гаванью. Звёзды и две небольшие луны давали немного света, в котором костяной город виделся лишь бледными туманными очертаниями краешками глаз, но когда он попробовал посмотреть на строения прямо, то не увидел почти ничего. Небо над ним чернело, как и в его видении, но вблизи горизонта он мог разглядеть небольшое, зеленоватого цвета сферическое тело, Землю.

Он не знал, как долго находился на этих ступеньках, но его уже пробрал озноб от гуляющего по дну мертвого моря ветра. Дрожа от холода, он принялся растирать съёжившуюся кожу на оголенных по локоть руках.

Надо было все записать. Он смог отыскать дорогу обратно к амфитеатру и к тому сиденью, где оставил походную сумку. Полевой журнал отсутствовал, но фонарик находился на месте. С помощью его яркого луча Мэзер обнаружил свой переплетенный пружинкой полевой журнал далеко за пределами здания. Он лежал на мозаичных плитках площади, закрывая глаз мозаичного изображения морского зверя. Наклонившись за ним, Мэзер чуть поодаль нашёл и ручку.

Но когда он присел на ступеньках продолжить свои заметки при свете фонарика, записи чернилами на бумажных страницах вдруг показались ему несколько странными. Прямые и кривые линии не хотели никак складываться в слова, вместо этого они представлялись бессмысленными сочетаниями каких-то куриных следов и царапок, умение читать вдруг сделалось зыбким и неуверенным.

В уме опять стали всплывать зримые воспоминания фестиваля: принесение в жертву морского животного, ритуально-торжественное нарезание его мяса и завертывание еще кровающихся кусков в отрезки материи, заранее принесенные женщинами, расходящиеся по домам жители города, кости морского животного, оставленные на попечение тех, кому предоставлялась такая честь.

И что-то еще. Он не мог понять, откуда у него такая уверенность, но он знал – это Единение с морем было последним, из морских вод больше некого было призывать. Он напряженно пытался найти словесные формулировки для выражения обретенных знаний и записать эти слова буквами, синими чернилами по бумаге. Но привычный навык не возвращался.

В конце концов он бросил эти попытки и двинулся обратно в амфитеатр, освещая дорогу фонариком. Инстинкт подсказал ему не идти к прежнему месту, а сесть перед другой гранью куба. Стоило лишь глянуть на новую матрицу инкрустированных линий, как Мэзер сразу же ощутил, что падает в...

Их было четверо друзей детства, ныне возмужавших и достигших зрелости. Они упорно работали над собой, соревнуясь друг с другом и подбадривая один другого. И это принесло свои плоды. Они стали триумфальными победителями ежегодных игр и поэтому

получили почетное право открыть охотничий сезон на голубых холмах над костяным городом.

Они быстро двигались цепочкой по тропе, известной им еще с детства, когда они играли на ней в то, что сейчас им предстояло совершить. Они знали каждый изгиб и каждую складку этой местности, каждый скальный отрог, каждый уступ, каждую долину и знали об особом укромном месте, где птицы укрываются на протяжении всего дня, а в сумерках вылетают, оставляя за собой трассирующий огненный след, рассыпая искры наподобие красного снега.

Уходящая в высоту длинная и тонкая расщелина, образовавшаяся миллионы лет тому назад, служила входом в пещеру. Её расположение позволяло увидеть расщелину только с одной точки. Однако они вчетвером знали нужные ориентиры. И найдут сгрудившихся внизу пещеры, словно горстка угольков, тесно прижавшихся друг к другу спящих птиц.

Четверо охотников подползли ко входу в пещеру с проволочными сетями наготове. По-прежнему один за другим, ободрав себе грудь и спину об камни – мальчиками это им удавалось легче, – они протиснулись в темное пространство пещеры. С затаённым дыханием обступили со всех сторон спящую добычу. И затем по сигналу самого старшего из них бросили несколько сетей в заранее условленном порядке.

Птицы проснулись от первой же упавшей на них сети и все вместе дружно взлетели, легко унося проволочное кружево вверх. Но тут их встретила вторая сеть, с утяжеленными краями, и полет птиц вверх замедлился. Затем наступила очередь третьей и четвертой. Влекомые вниз тяжелыми, с перекрывающимися густыми ячейками, металлическими сетками, откуда было уже не вырваться, птицы опустились обратно на дно пещеры, тревожно крича.

Воодушевленные удачей, охотники собрали вместе края всех сетей и быстро перевязали получившийся большой сетчатый узел тонким металлическим тросом.

Птицы, плотно упакованные в виде шара, с шорохом и шуршанием перемещались друг относительно друга и сияли, словно маленькое солнце из червонного золота. Мужчины с помощью оружия расширили входную расщелину, а затем осторожно вынесли птиц из пещеры на солнечный свет.

Пернатые громкими криками выражали свое недовольство, но охотники грянули традиционную песнь утешения с посулами уважительного отношения и хорошего обращения.

Птицы притихли, то ли успокоенные лстивыми уговорами, то ли убаюканные навевующим сон ритмом этого пения. Там, где белая дорога выбегает из холмов и начинает спускаться к городу, охотники остановились привести в порядок одежду и почиститься. Затем они подняли связанных птиц над головами, как осеняющее их всех вместе гало, и размеренным шагом двинулись, как триумфаторы, дальше.

Когда они были еще на полпути ко входу со спиральными колоннами, люди уже выходили им навстречу с песней теплого и искреннего приветствия.

Эта песня еще звучала в голове у Мэзера, когда он вернулся в настоящее. Он не удивился, обнаружив себя за пределами тех городских ворот, что выходят к подножию холмов. Далёкое солнце постепенно просветляло предутреннее марсианское небо за неясными силуэтами холмов, заставляя дорогу из белого битого камня под его ногами светиться призрачным светом.

На этот раз он даже не думал делать какие-либо записи. Развернувшись, медленно побрел – он чувствовал невыразимую усталость – через пустой город обратно на площадь к гавани. И хотя уже довольно долго ничего не ел и не пил, равнодушно прошел мимо джипа, где его дожидались контейнеры с водой и сэндвичи.

– Он просто обезвожен, – сказал один из грубошеих верзил, который прошел курсы оказания первой помощи. – Здесь такой сухой воздух, что если забывать пить, то и не заметишь, как поплывёшь.

– Влейте в него ещё один стакан, – сказал Боумен, – и отнесите в тень.

Они нашли Мэзера, лежащего ничком на мозаиках припортовой площади, когда грузовая платформа с перерабатывающим агрегатом прибыла уже под вечер второго дня. Теперь, когда Боумен бегло просмотрел записи в полевом журнале Мэзера, найденном возле упавшего в обморок человека, он уже понял, почему тот перестал отвечать на его радиовыводы.

Большинство из записей были совершенно нечитаемы, но несколько слов можно было разобрать: общественный, ритуальный, социальные узы – вполне достаточно для подтверждения давних подозрений руководителя команды, что Мэзер – из тех длинноволосых интеллектуалов, которые помешались на Марсе и рвутся сюда с мыслями обнаружить что-то этакое... Чего они ищут? Боумен понятия не имел о тех глупостях, которыми была забита их голова. Да и не хотел знать. Он подошел ближе к лестнице, ведущей в гавань, и швырнул полевой журнал вниз, туда, где гусеницы мегаагрегата сползали с направляющих платформы. Клубы черного дыма стали вырываться из выхлопной трубы, когда оператор поддал газу, ускоряя подачу топлива к двигателю, и циклопический агрегат начал забираться вверх, кроша костяные ступени. Правая гусеница наехала на полевой журнал Мэзера и разорвала в клочья.

Боумен некоторое время понаблюдал, чтобы удостовериться в соответствии технических данных этого комбайна его способности идти вверх по уклону. Когда машина достигла уровня бывшей городской площади и её передняя часть обрушилась на мозаичные плитки, с треском разламывая их, Боумен дал указание оператору остановиться и выйти, и сам забрался в кабину управления. Экран контроля подсвечивался зеленым по черному фону, показывая сетку, привязанную к ярким точкам: сигналам транспондеров, к счастью, расставленных Мэзером перед тем, как он одичал или «забушился» – словечко одного австралийского поисковика.

Все радиосигналы поступали чётко. Боумен выставил управление на автомат, спустился из кабины и с удовлетворением наблюдал, как огромная машина ориентируется и приступает к выполнению задания. Агрегат подполз к ближайшему от ступеней припортовой лестницы зданию, обрушил его подвешенным на тяжелой цепи сферическим молотом и начал перемалывать переднюю стену в массу из костной муки и мелкой крошки.

– Замечательно, – сказал бригадир своим людям, перебивая шум комбайна. – Подгоните джип прямо сюда. Хорошо бы вернуться на базу, пока еще не слишком темно. Первая порция выпивки – за мной.

Когда все уже сели в джип, Боумен послал за Мэзером, но того на месте уже не было.

Книги с серебряными страницами были на самом деле, как Мэзер теперь понял, не совсем книгами. Иероглифические завитки предназначались не для марсианских глаз, а для марсианских пальцев. Когда вы пробегали по этим страницам кончиками пальцев вдоль волнистых линий, к вам в виде мыслеобразов приходили не слова текста, а музыка. Она возникала в голове и звучала там сама по себе, пока вы легко касались книжных страниц: там были представлены все музыкальные и песенные жанры – от танцевальных мелодий до мягких лирических баллад, от гимнов до песен-посвящений, но все они были проникнуты упительной меланхоличностью, которая стала для него сутью Марса.

В ясные минуты он размышлял над смыслом баланса и контраста противоположностей, присущего вселенской встрече марсиан и землян. Одна раса затухает и растворяется в пурпурных сумерках, тогда как другая устремляется в наступающий светлый день.

На фоне музыки до него донеслись голоса: Боумен и кто-то ещё звали его по имени. Он испытал досаду. Когда джип отъехал, ему казалось, что его больше не будут разыскивать, а по возвращении на базу объявят без вести пропавшим и счастливо забудут. Людей, заблудившихся на Марсе, никогда потом не видели. Друзей среди шахтеров он так и не завел. Для всех для них он оставался гадким утенком.

Впрочем, забравшись в птичью пещеру и поразмыслив на эту тему, он понял – роботчики все равно обязаны были вернуться для перезапуска комбайна. На следующее утро после их отбытия на базу он выбрался из пещеры и перебросил главный пусковой выключатель агрегата, остановив его. Машина застыла, прекратив поедание и переваривание в своем нутре дома, стоящего на полпути между гаванью и городскими воротами. Сухопутный левиафан продвинулся в своем деле весьма существенно. Земляне умели строить надежные машины.

Однако еще попадались книги, которые надо было собрать, некоторые другие вещи, оставленные марсианами: маски, немного детских игрушек, предметы одежды, чаша, по всей видимости вырезанная из природного алебастра. Ему захотелось все это перенести в пещеру. Но после того как он собрал все и вернулся перезапустить мегаагрегат, то понял, что не знает, как настроить его на работу с ориентацией по транспондерной сетке. Тогда он оставил его с включенным мотором при нейтральном положении трансмиссии, зная – Боумен прибывает на джипе снова запустить его в работу.

Он надеялся, что остановку в работе перерабатывающего комбайна сочтут вызванной технической причиной, но доносящиеся снаружи голоса подсказывали: бригадир не удовлетворился таким простым объяснением. Мэзер подполз к входной расщелине, ещё труднее различимой из-за веток колючего кустарника, которые он туда подтащил. Сам же он ясно видел Боумена и прочих. Они стояли на гряде холмов, сложив свои мозолистые ладони рупором, и звали его. У них были бинокли. А также ружья.

Его искали весь день, но Мэзер помнил навыки марсианского охотничьего искусства, полученные из мемо-видений – так он решил называть этот феномен, – и спокойно избегал поимки. Вечером люди из поисковой команды забрались в джип и укатили прочь через высохшее море. С холмов он мог видеть тянущийся за джипом плюмаж поднятой пыли, остающийся висеть в воздухе почти неподвижно, так медленно оседали частички мельчайшей пыли в условиях меньшей гравитации и при безветрии в марсианской атмосфере. Когда наступила полная темнота, он спустился в город. Он уже знал о схожести узоров инкрустированных линий на стенах домов и подобных начертаний на гранях куба. Но если последние были мемо-видениями общественных событий, то стены домов повествовали о частной жизни. Своего рода марсианские семейные альбомы.

Сначала ему представлялось необходимым окончательно вывести машину из строя, сохранив тем самым эти следы частной жизни с её теплой дружеской атмосферой. Но просмотрев несколько таких записей, он осознал их схожесть и повторяемость во многих деталях: воспоминания о рождениях и поминаниях, брачных союзах и помолвках, церемониях получения имени и о других принятых ритуалах инициации. И во всем ощущалась некая общая атмосфера мягкой грусти, которой были проникнуты все встречи и собрания. Утраты чего-то важного. Эти видеозаписи относились не к поре расцвета марсианского общества, они отражали конечную стадию его существования. Перед тем как марсиане собрались в дорогу и покинули навсегда эти места, не затворив за собой дверей.

Ред Боумен не мог успокоиться. На нем лежала ответственность за выполнение производственного плана. Простой автоматизированного комплекса по вине безумного Мэзера, злонамеренно нарушившего его систему управления, ставил под угрозу шансы руководителя команды на получение приличного бонуса, полагающегося за доставку гружённых костной

мукой трейлеров к установленному сроку. Поэтому, когда джип отъехал уже довольно далеко по дну высохшего моря, он вышел и, отправив машину на базу с другим работником, пошёл в обратном направлении по осыпающемуся следу в лёссовой пыли к костяному городу.

Ночь наступила быстрее, чем он успел туда добраться, но временами белеющие башни ярко высвечивались снопами искр и вспышками, когда комбайн, напрямик прокладывающий свой курс через стены домов, наткнулся на что-то металлическое. Но даже будь он слепой, Боумен мог бы найти верный путь к городу по звуку работающего дизельного мотора или по резкому запаху его выхлопных газов.

Он поднялся по припортовой лестнице и пересек площадь. Изображения морских чудовищ почти полностью скололись гусеницами агрегата. Рокотание механического монстра притихло, так как он разворачивался в дальнем углу своего запрограммированного курса, скрытый ещё стоящими домами. Боумен использовал это затишье, стараясь уловить звуки присутствия и перемещений Мэзера в городе. Довольно скоро он что-то услышал. Сначала он подумал, что это ветер завывает под козырьками крыш. Но никакого ветра не было, и марсианские крыши совсем плоские и не выдаются за стены. Он направился в сторону, откуда шли звуки. Они исходили из большого здания с другой стороны площади, до которого мега-агрегат еще не добрался за эти пару дней.

Дверь в этом общественном здании была бронзовой с изображенными на ней текучими и летучими письменами, на которые Боумен не желал даже и смотреть, они напоминали ему змей, а змеи, в свою очередь, напоминали ему дьявола. Иногда ему было интересно: не заключил ли Создатель с дьяволом сделки, что Бог будет править на Земле, а дьявол на Марсе.

Он тихо вошел, проскользнул через дверь с фонариком наготове в левой руке и пистолетом в правой. Он не желал бы, на самом деле, чтобы дело дошло до стрельбы, но все слышали истории о людях из первых экспедиций, которые сходили с ума и убивали своих товарищей по команде. Боумен подозревал в Мэзере этого, археолога, что ли, – в общем, какого-то «олога», точно, – который слетел с катушек от слишком тесного общения с марсианской дьявольщиной.

Звук послышался снова, стонущий и заунывный, нотой без слов. «Похоже на мяуканье кота, – подумал Боумен, – вроде как над пойманной мышью». Коты ему тоже не нравились. Убивать ему не хотелось, но если уж действительно окажется необходимым, всё должно пройти чисто.

Он мог неясно в полумраке видеть общее расположение: большой объем свободного пространства, сиденья или ступеньки, которые спускались сужающимися кругами, что-то массивное белое в нижней части. Звук доносился с противоположной стороны этого массива, теперь уже явственней и громче, поскольку Боумен находился внутри помещения, и странное подвывание окружало его со всех сторон приглушенным эхом. Волосы на затылке и на руках сами по себе поднялись дыбом. Большой палец автоматически скользнул по предохранителю, проверить готовность оружия к стрельбе.

Он тихо двинулся мелкими шагами по окружности верхнего уровня амфитеатра. На фоне чего-то белого он разглядел темный силуэт примерно на уровне средних рядов. Он навел пистолет и нажал большим пальцем на кнопку фонарика.

На одном из рядов сидел марсианин, одетый в накидку из металлизированной ткани, которая неярко поблескивала в луче фонарика. Всю голову закрывала серебряная шлемоподобная маска, черты которой были подчёркнуты золотом: тонкие брови высоко подняты, рот округлен в выражении неизменного, навсегда застывшего удивления. Боумен не мог ясно разглядеть глаза за узкими прорезями в маске, но фигура явно не удостоила его взглядом, который упирался в грань расположенного перед ним куба.

Землянин поводил фонариком по силуэту сидящего существа. Он смог рассмотреть руки, пять пальцев вместо шести. Из-под накидки выглядывали отвороты голубых джинсов и поцарапанные ботинки, какие носили все работники компании «Нью-Арес».

– Мэзер! – громко окликнул Боумен. Человек в марсианском убранстве никак не отреагировал на звук. Бригадир двинулся на неуправляемого отщепенца, удерживая его в луче света с пистолетом позади и чуть сбоку от фонарика.

– Мэзер!

Голова в маске не повернулась, и в позе ничего не изменилось. Боумен стал вплотную позади Мэзера и толкнул его в плечо стволом пистолета.

– Очнись!

Опять никакой реакции. Боумен положил фонарик на следующее, более высокое сиденье, чтобы он по-прежнему освещал неподвижно застывшую фигуру. Затем согнутыми пальцами подцепил край одетой на голову маски и попробовал сдернуть ее.

Марсианские воины на марше продвигались к полю битвы блестящими издали ротами по 144 бойца в каждой. Шесть рот составляли батальон численностью 864 бойцов. У них были щиты из кованой бронзы, которые хорошо сочетались с их отполированными доспехами и ружьями, способными изрыгать на противника потоки металлических насекомых, которые при встрече с живой плотью буравили её насквозь. По флангам и в боевом охранении впереди резво перемещались электропауки, ростом примерно по колено бойцам, и пощелкивание их суставчатых сочленений сливалось в постоянный стрёкот.

Шесть батальонов вышли из костяных ворот Айпсли, почти весь мужской состав населения города. Они отправились навстречу хакцам по дороге вдоль моря и к полудню прибыли к назначенному полю сражения. В этом месте холмы расступились, уступая простор прибрежной равнине. Воины построились в боевой порядок – четыре батальона впереди, два в резерве – и присели в ожидании противника.

Армия хакцев подошла с опозданием, справедливо заработав насмешки со стороны айпслийцев. Им навстречу понеслись вопросы: неужели у них нашлись дела неотложнее битвы, или их постели были сегодня слишком уютны, или жены слишком ласковы?

Хакцы отвечали, выкрикивая свои издевки, относящиеся к прошлым сражениям, в которых айпслийцы не добились желаемого. Затем герольды вышли встретиться в центре поля для переговоров о порядке сражения. Как обычно, вначале бились единоборцы, затем малыми группами. Первый батальон айпслийцев пылал желанием отыгаться; было чувство, что исход сражения прошлого года решился в основном состоянием поля битвы – накануне ночью шел дождь, – а не искусностью в военном деле.

Первыми сражались молодые воины с максимально легким вооружением. Затем пошли в бой бойцы средних рангов, парами и четверками. Айпслийцы держались хорошо, всего два убитых и один тяжелораненый, в то время как нескольких хакцев уже унесли с поля боя. Общее настроение в рядах воюющих склонялось к решительному генеральному сражению в этот же день.

Подошло время перерыва на ланч, во время которого проводились паучьи бои. Хакцы и айпслийцы делали ставки друг против друга на исход поединков, герольды принимали их ставки и выдавали выигрыши победителям. Затем наступило время индивидуальных турниров.

Фред Мэзер видел себя верховным айпслийским воином, в броне своего великого прапрапрадеда из бронзовых полос, покрытых сверху отполированным сплавом золота с серебром – электрона. И когда во второй половине дня горны подали сигнал, он подхватил свое длинное копьё с навитым на черное древко упрочняющим прутком. Он считал ниже своего достоинства сражаться со щитом.

Когда он вышел перед строем с поднятым над головой копьём, громкий гул одобрения поднялся над батальонами айпслийцев. Он широкими шагами прошествовал к середине поля боя, наблюдая, как лучший боец хакцев направляется ему навстречу. В отличие от прошлого года, его оппонент выбрал из оружия лишь электрический меч. Это, должно быть, какой-то известный исторический турнир, подумал Мэзер. На следующий год, вероятно, об этом дне сложат песни.

Он не уставал удивляться ощущению присутствия двух личностей в одном сознании. Марсианские мемо-видения были наподобие документально-исторических драм, виденных им по телевизору дома на Земле, где актеры исполняли роли исторических деятелей, с той лишь разницей, что здесь зритель занимал место актера. Его волновал вначале вопрос: не подобен ли получаемый таким путем опыт тому, который давала художественная литература читателям книг прежде, до очищения от ненужных ресурсов в мире?

Сейчас же Мэзер-воитель размеренными широкими шагами приближался к ожидающим его на месте ристалища герольдам. Он поставил копьё острием кверху и сдвинул шлем на макушку своей длинной вытянутой головы. Вышедший ему навстречу уткнул свой меч острием в дерн и откинул назад свое забрало. Его золотые глаза смотрели без тени страха.

Первый герольд запел традиционную песню. Услышав начало последней строфы песни, Мэзер быстро и твердо взялся за древко копья, медленно вздохнул и надвинул свой шлем. Далее он изготовился и стал в боевую стойку. Меченосец тоже опустил забрало и поднял свой клинок.

Боумен решительно потянул маску-шлем с целью увидеть лицо психа, но маска сидела слишком плотно и не снялась до конца. Глаза Мэзера в свете фонарика выглядели широкими и опалесцирующими. В какое-то мгновение они отчетливо показались золотистыми, но бригадир отнес это на счет отражений матовых костяных стен в чрезвычайно расширенных зрачках человека.

Мэзер моргнул раз, потом через мгновение ещё два раза.

— Очнись, тебе говорят! — сказал Боумен и еще раз толкнул его пистолетом.

Археолог поднялся с сиденья и одним быстрым, неуловимо текучим движением повернулся к бригадиру. Тыльной стороной ладони он плавно отбил пистолет в сторону, тогда как его правая рука направилась Боумену в живот. Но удар не завершился контактом, и не только из-за того, что Боумен успел отпрянуть.

Мэзер посмотрел на свою правую руку, словно удивляясь чему-то. По тому, как он её держал, сначала у Боумена возникло впечатление о каком-то зажатом в ней предмете — может, Мэзер имел какие-то невидимые лезвия, которыми он хотел его достать? Но по тому, как он моргал, Боумен понял — у полоумного видения.

Почему-то именно это рассердило Боумена больше всего прочего. Никуда не годилось, чтобы от помешательства заучившегося мальчишки зависела судьба бонуса Боумена, который даст ему шанс обустроиться на Марсе как следует, обзавестись домом и собственным делом. Он был готов к трудной работе во имя достижения цели, и не фантазеру-чернокнижнику отбирать у него заслуженную награду.

Он сделал шаг вперед и наотмашь нанес удар Мэзеру сбоку по голове стволom пистолета. Но вреда это ему не причинило. Сталь столкнулась с неясным ровным сиянием защитной маски, закрывающей голову Мэзера. В результате раздалось мелодичное звучание чистой ноты, и шлем, по всей видимости, поглотил энергию и импульс удара. Мэзер едва ли почувствовал его.

Но все же что-то изменилось. Археолог моргнул снова, и сейчас, скорее всего, в первый раз на самом деле увидел перед собой бригадира. Он снова посмотрел на свою правую руку, охватившую пустой воздух, затем потряс головой, как будто выходя из забытья.

– Ты пойдешь со мной, – сказал Боумен. Он поднял пистолет и, чтобы сумасшедший не сомневался в результатах неповиновения, большим пальцем взвел ударник пистолета.

Плечи Мэзера опустились. Он взялся обеими руками за плотно одетую серебряную маску-шлем и точным движением, с поворотом, снял ее. Опуская её перед собой, он пристально и с грустью посмотрел на её полированную украшенную поверхность со взглядом вечного удивления, сейчас обращенного к нему. Когда же Боумен произнес «двигай», Мэзер запустил сим металлическим предметом прямо в лицо бригадиру.

Боумен отшатнулся, из носа обильно закапала кровь. Ему не удалось устоять на ногах, и он упал на сиденье позади, сильно ударившись локтем вооруженной руки. Пистолет выбило, и тот грохнулся на костяной пол у его ног, радовало, что недалеко. Но пока Боумен вновь вооружался и беспорядочно светил по секторам во все стороны, прошло некоторое время, и он лишь успел заметить, как Мэзер в развевающейся знаменем марсианской накидке мелькнул у выхода на площадь.

Он выслеживал психа всю ночь, с фонариком и пистолетом наготове, настроившись стрелять при малейшем признаке появления Мэзера. Но марсианский невыразительный расцвет застал его по-прежнему в полном одиночестве.

Механический мегаагрегат крушил все подряд и сровнивал с землей дом за домом, улицу за улицей, заполняя свои бункеры прахом тысячелетия назад вымерших морских животных, исторгая кубические блоки золота и серебра, меди и бронзы, еще теплые после атомарной переплавки. Боумену не давала покоя мысль о Мэзере – вдруг он выйдет из своего тайного убежища, спустится с голубых холмов и попытается сорвать выполнение этой работы. Он снял людей с других проектов, раздал им оружие и поставил на охрану.

Постовые охранники сообщали о случаях наблюдения эпизодических вспышек отражения солнечного света чем-то металлическим в голубых холмах, но сумасшедший не предпринимал больше попыток помешать разрушению костяного города. В конце концов наступил день, когда автоматизированный комбайн погрузили на многоколесную платформу и подготовили к транспортировке по пыльному и гладкому, как стекло, дну высохшего моря к следующему местонахождению. Рабочая операция прошла без срывов и чрезвычайных происшествий.

Бонусу Реда Боумена снова ничего не угрожало. Боумену какое-то время не хватало одного человека в бригаде, но ему вскоре удалось её доукомплектовать опытным шахтером с навыками проходки твердых скальных пород, который прибыл на Марс с надеждой озолотиться среди этих безмолвных пустынных пространств, но ничего не нашел.

Бригадир лично проследил, как многоколесный транспортер медленно увозит механического левиафана, оставляя за собой висящую в воздухе полосу бледного пыльного следа. Затем он завел джип и проехался по свежим техногенным шрамам того места, где недавно стоял город. Никаких домов уже не было, так же как и покрытий улиц, вдоль которых эти дома стояли на протяжении тысяч лет. Агрегат содрал все, вплоть до утрамбованного грунта, а местами до красновато-коричневых марсианских скальных пород. После того как обнаружили первую урну, захороненную во внутреннем дворе, Боумен вызвал техника переустановить параметры автоматического контроля для более глубокого забора грунта. После этого машина вырыла множество золота, серебра и контейнеров из электрона, тем самым умножив практический выход драгоценных металлов при разработке на солидный процент. Компания «Нью-Арес» премировала Боумена поощрительным дополнительным бонусом за проявленную инициативу.

Он доехал до места, где раньше стояли ворота, и направил джип по полосе из белого щебня. На медленной скорости продвигался он по направлению к холмам, а затем дальше, по

идушей на подъем дороге. При этом он внимательно смотрел по сторонам, надеясь увидеть блики, о которых упоминали охранники.

Холмы всегда вызывали у него чувство внутреннего содрогания. Они стояли, погруженные в безмолвие, как и древние города, но это было другое безмолвие. Города строили, конечно, не люди, но они создавались трудом существ, при всех их особенностях и отличиях в чём-то на землян похожих. Здесь же был Марс без всяких примесей. Ничем не связанный с человечеством, со времён зарождения планет. Люди могут прилетать сюда и возводить здесь свои постройки, но никогда не станут частью Марса. А те, кто попытается это сделать, вроде Мэзера, неизменно будут впадать в безумие.

Приблизительно так раздумывал Боумен, но перед тем как отправиться на очередное место тотального демонтажа, ему хотелось поговорить с единственным человеком, который мог это понять. Поэтому он заезжал дальше и выше в холмы, останавливаясь временами и постоянно вертя головой, пытаясь заметить яркий проблеск.

Уже под вечер он краешком глаза заметил что-то и повернул по направлению к полному подъему, усыпанному валунами, за которыми он и заметил проблеск. Где-то на полпути до вершины холма группой стояло несколько высоких скал. Они могли иметь естественное происхождение, но могли быть и воздвигнуты здесь марсианами для каких-то их непонятных целей. Направив бинокль на это образование, он заметил движение в просвете между скал.

Он вышел из джипа и направился пешком к этому месту. Боумен держал ладони перед собой, показывая, что в них ничего нет.

– Мэзер! – позвал он. – Мы уходим! За тобой никто не вернётся!

Из-за скал отозвался странный голос, он казался тоньше в разреженной марсианской атмосфере и походил на звуки флейты, как если бы музыкальный инструмент заговорил человеческим голосом.

– Чего вы хотите?

– Я хотел только сказать пару слов на прощание, – ответил Боумен. Теперь он подошел ближе и с такого расстояния мог уже видеть детали через просветы в скалах. Он рассмотрел нечто серебряное с золотыми штрихами.

– Тебе ведь известно, – сказал он, – что маска по закону принадлежит горнодобывающей компании «Нью-Арес».

– Нет, – ответил голос – Мне неизвестно.

– Неважно, – произнес Боумен. – Мы все равно потом её получим, полагаю. После твоей естественной кончины.

На это ответа не последовало.

– По всему, ты скоро отдашь концы, – сказал Боумен, тяжело бредя вверх по склону. – Собственно, я не понимаю, как тебе удалось продержаться так долго без воды. Либо ты пробрался ночью и незаметно выкрал ее.

– Нет.

– Тогда каким образом?

Снова никакого ответа. Боумен наконец добрался до скал. Он мог еще чуть подробнее рассмотреть Мэзера, мелькнувшего еще раз в просветах между скалами. На том была марсианская накидка и другая маска с изображением радостного изумления.

– Выйди, и мы поговорим, – сказал Боумен.

– О чем?

Бригадир пожал плечами.

– О том, что ты собираешься делать. Как собираешься жить.

– Разве вас это беспокоит? – ответил музыкальный голос.

– Немного. Послушай, сначала мне не нравилось иметь в команде такого, как ты. Я думал, ты не потянешь свои обязанности. Потом я опасался, ты расстроишь операцию и все сорвешь.

Боумен сделал небольшую паузу, чтобы дать собеседнику шанс ответить, и затем продолжил:

– Но раз ты перестал вмешиваться, ты уже больше не моя проблема. И теперь, когда мы сворачиваемся здесь, я могу себе позволить поинтересоваться, чего ты тут достигаешь.

Он снова сделал паузу, на этот раз подлиннее. Но она затягивалась до ощущения дискомфорта. Ему начало казаться, что эта тишина сейчас уже стоит не между ним и Мэзером, а между ним и этими холмами, между ним и Марсом.

Наконец человек за скалами произнес:

– Ничего не надо достигать.

– А что ты тогда делаешь?

– Делать ничего не надо. Ничего не поделаешь.

– Я не понимаю.

– Все уже было сделано, – ответил Мэзер. – В этом всё и дело. Вот что такое Марс.

– Всё равно не понимаю.

– Я знаю. – Стало как-то еще по-другому тихо, и затем, хотя Боумен не слышал ни малейшего звука шагов, мелодичный голос Мэзера донесся как будто совсем издалека. – Прощайте.

Землянин обошел кругом те скалы и прошёл ещё повыше. Никаких признаков присутствия кого бы то ни было. Он дважды громко позвал Мэзера по имени, но ответом было лишь безмолвие марсианских холмов.

Боумен вернулся к джипу. Он возвратился в базовый лагерь, затем занялся следующим местом разработки. Но уже годы спустя он иногда говорил людям: «Если вы задаёте вопрос, из этого еще не следует, что на него существует ответ».

По прошествии еще нескольких лет те края пересекал старатель; буры, кайла, лопаты и магнитометр постукивали о корпус его шагохода. Он заметил куб из белого камня, который автоматизированный комбайн в свое время обошел как не имеющую ценность пустую породу, и решил рассмотреть его поближе. У одной из сторон куба он обнаружил мумифицированное тело в марсианских одеждах на сиденье из марсианского железного дерева. На высохших коленях лежала серебряная маска.

Сначала старатель подумал, что наткнулся на настоящего марсианина, хотя и слышал об их тотальном исчезновении. Глаза ввели его в заблуждение: высохшие, круглые и обращенные к кубу, они издалека походили на золотые монеты.

Но маска была хороша. Старательский день прошёл не зря.

Дэвид Д. Левин

Дэвид Д. Левин всю свою жизнь был читателем фантастики, до тех пор, пока его не настиг кризис среднего возраста и он не взял отпуск со своей высокотехнологичной работы для того, чтобы стать слушателем писательского семинара Клэрион-Уэст в 2000 году. Первый его рассказ был принят к печати в 2001-м, а в 2002 году он стал победителем конкурса «Писатели будущего». Дважды номинировался на премию Джона Кэмпбелла (2003, 2004), а также на «Хьюго» (в 2004), а в 2006 удостоился «Хьюго» за рассказ «С дорожки на дорожку» («Тк Тк Тк»). В 2009 году сборник его рассказов «Космическая магия» («Space Magic») был награждён премией «Индевор». В 2010-м он провёл две недели на имитации марсианской базы в пустыне Юта, где отснял популярный слайд-проект, а логи всех членов экипажа издал в виде книги «Марсианские дневники». Частично на этом «марсианском» опыте основана отмеченная вторым местом на мемориальном конкурсе Баена и таким же по результатам голосования читателей журнала «Эналог» в 2011 году повесть «Гражданин-астронавт». Дэвид с женой Кейт Юл живут в Портленде, шт. Орегон, и издают фэнзин «Бенто». Адрес его веб-сайта www.daviddlevine.com.

Он переносит нас на Марс способом, который, вероятно, никому в НАСА не приходил в голову...

Дэвид Д. Левин Крушение «Марс Эдвенчер»

В Проклятой камере Ньюгейтской тюрьмы царила непроницаемая тьма. Уильям Кидд стоял на коленях; холод от каменных плит пробирал до костей. На истощавших запястьях и лодыжках свободно болтались тяжёлые железные кандалы; его кожа сильно саднила от постоянного соприкосновения с грубым металлом. При любой попытке устроиться поудобнее цепи начинали греметь.

Ко всему этому он привык, нечего и говорить. Непривычным был нарастающий шум в коридоре. Несомненно, кое-кто из заключённых предвкушал скорую казнь своего известного соседа.

– Тихо, вы! – крикнул или попытался крикнуть он. – Оставьте проклятого человека наедине с Господом Богом!

Вряд ли горлопаны услышали Кидда. Его грубый ирландский выговор сейчас звучал не громче шепота. А ведь когда-то этот мощный голос легко перекрывал шум бури и далеко разносился по просторам открытого океана. И всё же, почти мгновенно, всякое веселье улеглось.

Раздался скрип отпираемого замка.

Опять что-то новенькое. Лишь по распоряжению Британского Адмиралтейства и Парламента в камере Кидда появлялись гости. Этот полуночный визит был неслыханным. Да еще и в канун его казни...

Грохоча цепями, Кидд принял сидячее положение. Целый год он провёл в заключении, он устал, отчаялся и сомневался, что это надежда решила заглянуть в его темницу. Хороших вестей он не ждал. Быть может, политические причины вынудили членов палаты перенести казнь на первые часы после полуночи. Быть может, они намерились побрить его налысо или унижить как-нибудь еще, прежде чем препроводить на виселицу. Он давно уже понял: стараться понять перепады парламентских настроений ему не по силам.

Любые новости Кидд готов был встретить как мужчина. С невероятным усилием он попытался подняться на ноги. Дверь с грохотом отворилась, едва-едва он привстал на одно колено.

Тусклый, мерцающий свет факелов ослепил его. Он безуспешно попытался заслонить глаза. Двое крепких зрителей помешали ему, заломив его руки за спину. Локти и запястья оказались обездвиженными новыми ледяными оковами. Новые цепи, шумно звеня, сползли к кольцам в каменном полу. Охранники заставили Кидда встать на колени, и в следующую минуту он уже не мог пошевелиться. Чья-то рука давила ему на затылок, не позволяя поднять глаз. Его что, обезглавят прямо здесь?

– 3-заключенный обездвижен, милорд. – Голос принадлежал одному из самых отвратительных и жестоких зрителей тюрьмы. Что могло довести этого человека до такого раболепства?

– Оставьте нас, – раздался резкий ледяной голос. Этот человек привык, чтобы ему подчинялись. Его акцент Кидд не смог определить. Голландский?

– Милорд?

– Оставьте нас. Наедине.

Зритель громко сглотнул.

– Как прикажете, милорд, – прошептал он.

Давление на затылок прекратилось, и две пары ног прошаркали прочь из камеры. Секунду спустя с едва слышным скрипом закрылась дверь. Кидд и представить не мог, что ее можно закрыть так тихо.

Остался только один факел и звук чьего-то дыхания.

Кидд поднял голову.

Незнакомец был выше шести футов; темная мантия окутывала его с головы до ног, но не скрывала властной манеры держаться.

Он прикрывал нос вышитым платком, несомненно, смоченным в уксусе для того, чтобы перебить тюремное зловоние.

– Чем я заслужил такую честь, милорд? – прохрипел Кидд, пряча свой страх под маской ироничной вежливости.

Человек откинул капюшон.

– Разве удивительно, что покупатель прежде осматривает товар?

Кидд не сразу смог узнать орлиный профиль и горделивый взгляд темных глаз. Потом он выдохнул и понимающе кивнул. Прежде они никогда не встречались лично, но этот профиль он видел на тысячах монет.

– Ваше Величество, – прошептал он; в его груди вскипала холодная ярость.

Вильгельм III, Король Англии и Ирландии, а также Вильгельм II Шотландский, снова поднес платок к носу.

– Я пробуду здесь недолго, – глухо сказал он. – Даже такие ослы, как мои возлюбленные советники, вряд ли не заметят моего столь длительного отсутствия. Итак, мне следует сразу перейти к делу. – Он отвел платок в сторону, его темные глаза вперились в Кидда. – Я здесь, чтобы предложить тебе помилование.

Сперва Кидд не нашелся что ответить. Наверняка это только сон? Или жестокая шутка, с тем чтобы удвоить его страдания? В груди боролись злость, неверие и надежда.

– Ваше Величество? – смог вымолвить он.

– Ты меня слышал, – резко сказал король. – В свое время ты не подумал, что несешь, поэтому мой Парламент мечтает тебя повесить. Но я спасу твою грязную пиратскую шею от этой петли.

Теперь Кидд смотрел на короля в упор.

– Но я говорил только правду.

– Куда правде тягаться с политикой! Не будь у меня политического интереса, я никогда бы не сунулся к тебе в эту зловонную дыру.

Король вздохнул.

– От тебя одни проблемы, Кидд. Ты не пират, мы оба знаем это, но ты подпортил своим покровителям репутацию. Поэтому мои советники хотят твоей смерти. Твоя необузданная храбрость и проклятая честность снискали тебе много врагов. Скажи я публично хоть слово в твою защиту – и на поддержку вигов мне не стоит рассчитывать. Но, несмотря на все твои ошибки и все те слухи, что распустили твои враги, ты слишком хороший мореход, чтобы умереть на виселице. Итак, повторяю, я пришел, чтобы предложить тебе помилование.

По его губам скользнула странная улыбка.

– Если ты примешь это помилование, тебе придется выполнить одно мое поручение. Быть может, ты и не захочешь спасения, когда узнаешь его суть и условия.

– Что за поручение и какие такие условия, – процедил Кидд сквозь стиснутые зубы, – могут заставить человека предпочесть виселицу королевскому помилованию?

Издевательская ухмылка расплылась еще шире. Это раздражало.

– Я желаю, чтобы ты набрал команду, снарядил и осуществил экспедицию на планету Марс.

Ярость вспыхнула в груди Кидда в ответ на бессердечную шутку короля, но он придержал язык и даже не позволил тени презрения промелькнуть на лице.

Благоразумие Кидду было в новинку. Если бы год назад его задержали по ложным, клеветническим обвинениям и предложили такой абсурд, он бы рвал и метал. Но несладкое время в заключении научило его осторожности.

Он помолчал, обдумывая предложение короля. Не похоже было, чтобы он шутил; безумным тоже не выглядел. Их век – новый век, время исследований, открытий и чудес. Новый Свет и Старый Свет изучены вдоль и поперек. Теперь люди ищут миров поновее. Небеса над всеми европейскими столицами заполнили воздушные шары, Дампьер успешно облетел Луну... Да, идея о полете на Марс звучала диковато, но совершенно невообразимой не была.

– Поручение мне понятно, – произнес Кидд, проглотив свой гнев. – Каковы условия?

– *Primus*, – король поднял палец, – никто не должен знать условий помилования, под страхом смертной казни. *Secundus*, ты будешь работать под командованием натуралиста Джона Секстона, подчиняться его приказам, служить ему верой и правдой и никогда не отходить от него дальше чем на сто шагов, пока экспедиция не завершится удачно, под страхом смертной казни. *Tertius*, ты будешь нести личную ответственность за безопасность упомянутого Секстона. Какая бы неприятность с ним ни приключилась, жизнью заплатишься ты.

Три поднятых пальца – три условия. Король скрестил руки на груди.

– С другой стороны, если тебе удастся каким-то образом вернуться в Лондон и вернуть Секстона в целости и невредимости, ты заслужишь королевскую признательность. Возможно, даже титул баронета.

Кидд задумался над словами короля гораздо серьезнее. Он оказался между молотом и наковальней: невыполнимая задача – безумная экспедиция, из которой он ли или любой другой человек вряд ли сможет вернуться, – или неизбежная смерть с восходом солнца. А решение он должен был принять, закованный в цепи в самой темной камере самой ужасной тюрьмы Англии.

И он расхохотался.

Грубый лающий смех вырвался из горла, опухшего от тюремной еды, тюремной воды и тюремного воздуха, его ежедневных спутников в течение целого года. Король отступил, поднеся к носу белый платок и будто страхась, что Кидд внезапно сможет разорвать цепи и кинуться на королевскую персону.

– Я принимаю ваше помилование, милорд – выдохнул Кидд, отсмеявшись. – Я никогда не отступаю перед вызовами судьбы.

Кидд неспешно шел вниз по Салисбери Корт, направляясь на встречу к Йелю, лавочнику, который должен был обеспечить его съестным, водой и снастями. Пять недель провел он вне тюремных стен, но все еще не мог привыкнуть идти просто так, без цепей, не натываясь на стену через каждые десять шагов, вдыхать чистый воздух, без примеси запахов нечистот тысячи заключенных.

Компанию ему составлял Секстон, тот самый натуралист. Тощий светлоглазый мужчина двадцати восьми лет – вдвое младше Кидда – мало того, что он был членом Королевского научного общества и читал лекции в Грешем-колледж, но к тому же изобрел новый метод проецирования сферической поверхности Земли на плоскость карты. Ко всему прочему он обнаружил два новых вида жуков, а его теории относительно межпланетного судостроения и навигации были, вероятно, очень высоко оценены лучшими умами его поколения.

Но при всем своем уме практичности у него было, как у голубя.

Кидд, хоть и набрался сил, все еще не мог обойтись без трости. Но даже ползком он, верно, двигался бы куда быстрее Секстона, который то и дело останавливался, чтобы поболтать с незнакомцами, с любопытством взглянуть в необычную каменную кладку и наца-

рапать какие-то заметки в маленьком блокноте. Этот человек был совсем как сорока: он кидался к блестящим предметам и шарахался из стороны в сторону, вспугнутый неизвестно чем.

Сперва Кидд думал, что секретное условие королевского помилования, которое при- нуждало его оставаться рядом с Секстоном, было необходимо, чтобы он, Кидд, не сбежал. Теперь же он уверился в том, что на самом-то деле он должен был следить, чтобы Секстон не попал под колеса экипажей, не свалился в канал, а то и напоминать ему не забывать дышать.

– Прошу вас, доктор Секстон, – Кидд окликнул его через плечо, – мы уже опаздываем, а мистер Йель занятой человек.

– Минутку, мистер Кидд, – ответил Секстон, склонившийся над ростком, пробиваю- щимся в трещине меж двух каменных плит фундамента здания, мимо которого они прохо- дили.

– *Капитан* Кидд, – пробормотал он себе под нос. Он больше не пытался поправлять Секстона вслух, но эта оговорка раздражала, особенно на фоне того, как настойчиво Секстон следил, чтобы все величали его доктором.

– Это корабль? – спросил Эдмондс, давний морской товарищ Кидда.

– О да, – ответил Кидд.

Старый седой моряк долго стоял в молчании, оценивая наметанным глазом маленький кораблик, подпрыгивающий на волнах Темзы. Эдмондс горячо откликнулся на предложение Кидда стать рулевым; они вместе служили на «Святой Розе», и Кидд доверил бы ему свою жизнь.

– Из всех кораблей, на которых я служил, этот – самый странный, – наконец изрек Эдмондс.

– И не поспоришь, – кивнул на это Кидд.

Корабль был крошечным, едва ли семидесяти футов от носа до кормы, и вмещал команду всего лишь из шестидесяти человек. Он выглядел не просто маленьким, но каким- то... тонким. Для того чтобы он стал легче, сделали все возможное: деревянные экраны между перегородками заменили ротанговыми, резные перила – обычными веревками, а для люков использовали холст. Новаторство на этом не заканчивалось: многие изменения не были видны на первый взгляд. Например, Кидд знал, что палубные доски на этом корабле были вдвое тоньше обычных.

– Весла, серьезно? – спросил Эдмондс, указывая на ряд уключин³ по бортам. – В наши дни?

Кидд упрямо сжал челюсти.

– Без них я не поплыву. Ветер и волны – ненадежные товарищи, а вот на матроса на веслах рассчитывать можно: он выведет корабль из беды. Гребля спасала мою шкуру не раз.

Вот только весла для этих уключин сделаны, чтобы загребать воздух, а не воду; но об этом он умолчал. Секстон спроектировал их под руководством Кидда. Впрочем, их малень- кий странный корабль целиком был построен из теории, и оставалось только надеяться, что эти весла и прочие непроверенные штуки оправдают ожидания Кидда.

Эдмондс перестал оценивать корабль и повернулся к Кидду с вопросом во взгляде.

– Так ты думаешь, он и в самом деле пойдет?

Кидд кивнул.

– Не спорю, корабль странный, но на то есть свои причины. Если ты со мной – я рас- скажу, в чем дело.

– Да-да, но ты ему доверяешь?

³ Элемент гребного судна, в котором подвижно закрепляется весло.

Установилось долгое молчание.

Мнение Кидда было совершенно неважным. Условия помилования связали его с этим путешествием и с Секстоном, а прочие причины и обстоятельства отошли на второй план. И все же он чувствовал, что его старый товарищ заслуживает честного ответа.

Поначалу многие задумки Секстона казались совершенным безумием, но он был человеком невероятного ума; если Кидду удавалось проследить за ходом его мысли, он видел, что логика ученого неопровержима. Больше того на королевские деньги Кидд разгулялся, а потому корабль строили лучшие мастера, а использовали они лучшие материалы. Капитан чутко следил за процессом. Если бы только он мог собрать целую команду таких же людей, как Эдмондс...

– Я доверяю этому кораблю настолько, что готов отправиться на нем сам, – сказал Кидд. – Это будет долгое, долгое путешествие. По крайней мере, в милях... – едва слышно добавил он, хотя, по теории Секстона, дорога должна была занять всего два месяца в общей сложности. Они не планировали приземления на Марс, только внешнее исследование для позднейшей экспедиции.

На одно долгое мгновение Эдмондс поджал губы, а потом с решительным кивком протянул руки.

– Если он достаточно хорош для капитана Кидда, он достаточно хорош и для меня.

С неподдельной радостью Кидд пожал руки Эдмондса.

– Добро пожаловать на борт, мистер Эдмондс. Добро пожаловать на борт «Марс Эдвенчер».

Кидд заслонила глаза от восходящего солнца. Он проверял причудливые снасти корабля и старался не обращать внимания на гул толпы на причале. Кидд предупреждал короля, что слухи поползут, как только он соберет команду, и как в воду глядел: последние несколько недель люди только и говорили о странном корабле, его загадочной миссии и капитане с дурной славой. Всем хотелось знать больше. Но Кидд велел своим людям держать рот на замке, а Секстон занимался планами и чертежами, так что правды просочилось очень мало. На закате прошлого дня они начали надувать огромные воздушные шары: слух об этом распространился почти мгновенно и собрал на пристани толпу зевак.

Вскоре секрет «Марс Эдвенчер» будет известен всем.

Над маленьким корабликом подпрыгивали и опускались девять громадных шаров. Девять упругих белых сфер из прекрасного китайского шелка наполнились нагретым воздухом: в свете уходящего солнца они сияли, точно жемчужины. Темза тянула его в одну сторону, небо – в другую; это противостояние рождало слабое, беспокойное движение, доселе Кидду незнакомое. Секстон уверял, что ход корабля выровняется, когда они окажутся в воздухе.

– Закрепите вон ту опору, эй! – махнул рукой Кидд. Боцман повторил его приказ, и двое матросов вскарабкались на большой клубок сетей, который связывал шары, чтобы исправить указанный недостаток. Длинные канаты, которыми шары привязывались к кораблю, только назывались опорами. Чтобы описать все новое на этом корабле, пришлось бы составить целый словарь, поэтому команда пользовалась привычными морскими словечками. Все лучше, чем латынь, на которой настаивал Секстон.

Легко на помине.

– Мы почти готовы к отправлению, да? – сказал он; он переводил взгляд с одного предмета на другой. – Мы должны взлететь с восходом солнца, иначе подъемная сила будет недостаточной.

– Почти готовы... – ответил Кидд, обращая внимание на толпу. – Мы ждем только... А, вот и он.

Подобно волнам Красного моря, толпа разошлась, пропуская свиту ярко разодетых джентльменов в париках, среди которых, как Моисей, вышагивал король. Новость быстро распространилась; словно круги по воде, по толпе стали расходиться поклоны.

– Приветствую вас, мои верноподданные! – произнес король, когда стих гомон, вызванный его появлением. – Я принес вам добрую весть! В этот знаменательный день для Англии начинается новая эра исследований и открытий! Сегодня мой натурфилософ, Джон Секстон, вместе с храброй командой тщательно подобранных людей отправится в самое невероятное путешествие... в экспедицию на планету Марс!

Поднялся неопиcуемый шум: ахи-охи, ехидные восклицания раздались в ответ на слова короля. Больше всех удивились матросы, многие из которых до последнего не верили откровениям Кидда и понимающе перемигивались; они были уверены, что уж истинная цель путешествия откроется позже.

Кидд внутренне оскорбился, когда его представили лишь одним из «команды Секстона». Он тихо передал несколько команд боцману.

– Будет сделано, сэр, – ответил боцман и поспешил передать приказ остальным.

Кидд понял, что король захотел отгородиться от дурной славы хоть и помилованного, но все же пирата. Это задело его, и он не собирался спускать дело на тормозах.

Если Его Величество хочет знаменательный день, он его получит.

Король все вещал и вещал для толпы всякий вздор, пока Секстон наблюдал за восходящим солнцем, прикрывая глаза рукой.

– Мы теряем слишком много времени! – прошептал он Кидду.

– Терпение, – ответил тот.

Вернулся боцман.

– Все готово, – пробормотал он на ухо капитану.

Кидд усмехнулся.

– По моему сигналу.

– Это изумительный день для Англии, – декламировал король, – и для почтенной Оранско-Нассауской династии...

Кидд вдоволь наслушался королевского самовосхваления. Он развернулся и рявкнул:

– Сбросить балласт!

Одним согласованным движением со всех четырёх сторон моряки скинули швартовы, удерживающие корабль на воде. В качестве балласта они использовали воду из Темзы (что куда практичнее обычных камней); теперь же тысячи галлонов воды с шумом возвращались обратно в реку.

С сильным толчком, от которого желудок Кидда провалился куда-то в ботинки, «Марс Эдвенчер» рванулся в небо.

Реакция толпы была настолько бурной, что предыдущий взрыв эмоций показался жалким шепотом. Возгласы удивления и восхищения вырвались из тысяч глоток; тысячи шляп взметнулись в воздух, а плащами и рубахами размахивали, как знаменами.

Среди этого волнения выделялось лицо короля, преисполненное ярости и восхищения.

Кидд отсалютовал своей шляпой.

– Увидимся через два месяца, малыш Билли, – едва слышно пробормотал он с широкой улыбкой на лице. – Вероломный ты ублюдок.

Кидд стоял у леера, который на обычном корабле был бы гакабортом; его слегка тошнило.

Все мореходные инстинкты подсказывали ему, что корабль был совершенно устойчив. Он шел по ветру под огромными шарами, а на палубе не было ни ветерка. Секстон сверился со своими приборами и убеждал Кидда, что все идет хорошо, но тот все равно тревожился.

С невообразимой высоты перед ним простирался огромный земной шар: он был похож на стеклянный шарик, в котором на фоне темных небес кружились синь и белизна. Казалось, стоит ему раскинуть руки, как он сможет охватить всю земную ширь.

Они уже взлетели настолько высоко, что открывающийся вид больше не ужасал: теперь интерес возобладал над страхом.

Секстон стоял рядом, глядя в свою подзорную трубу. Кидд придвинулся к нему.

– Доктор Секстон, – сказал он очень тихо, так, чтобы никто из матросов не смог его услышать. – Должен признаться: мне не по себе. Я преодолевал шторма, сражался с пиратами, сталкивался со смертью лицом к лицу, но впервые за все годы в море я чувствую такой трепет. У меня кружится голова и земля уходит из-под ног. Мало того, кватермастер⁴ сказал, что с ним все то же самое. Может, это потому, что мы забрались так высоко?

Секстон сложил подзорную трубу.

– Это не что иное, как снижение земного притяжения.

Он был слишком уж умен и частенько переходил на латынь, сам того не замечая.

– А каково лечение? Кровопускание? Рвотное?

– Боюсь, что нет, – рассмеялся Секстон. – Это не болезнь, а естественное следствие того, что мы удаляемся от Земли. Данный феномен был предсказан Ньютоном и подтвержден Галлеем при его первой попытке слетать на Луну. Чем дальше мы удаляемся от родной атмосферы, тем сила притяжения – говоря простым языком, наш вес – становится меньше и меньше. Сейчас мы уже весим на три четверти меньше, чем весили дома. – Натуралист подпрыгнул на мысочках, и капитан заметил, что его парик едва-едва касается макушки.

Кидд тоже подпрыгнул и с удивлением обнаружил, что совсем небольшое усилие подняло его на несколько дюймов в воздух.

– Прежде чем кончится день, – продолжал Секстон, – мы выйдем из земной сферы в межпланетную атмосферу. Там мы будем находиться в состоянии свободного падения и чувствовать себя так, будто мы вовсе ничего не весим. Тогда-то мы сможем отцепить воздушные шары и продолжить плавание без них.

Секстон мог объяснять этот феномен сотни раз, но Кидд так и не смог бы до конца постичь его сути. Но сейчас он едва ощущал свои сто восемьдесят фунтов и, кажется, начал понимать. Он снова легко подпрыгнул, чувствуя, как завис в воздухе, прежде чем его ботинки коснулись палубы.

– А, ясно, – сказал он.

Пока Кидд прыгал, Секстон возобновил свои наблюдения в подзорную трубу.

– Ну разумеется, – произнес он, глядя в свой прибор, – мы вначале должны пересечь границу планетарной атмосферы, которая вращается вместе с Землей, а затем межпланетной атмосферы, которая окружает Солнце. – Он сложил трубу. – Вероятно, нас немного потрясет.

– И это ты называешь немного? – крикнул Кидд на ухо Секстону.

Чтобы спасти свою жизнь, эти двое цеплялись за румпель, который регулировал огромный корабельный штурвал. Не держаться было невозможно: только это позволяло удерживать корабль на заданном курсе и давало путешественникам точку опоры, иначе бы их неизбежно сдуло за борт, где они сгнули бы в необъятных воздушных просторах. Они потеряли так двоих, прежде чем Кидд успел командовать матросам привязать себя к мачтам.

Корабль головокружительно несея сквозь воздух, омываемый проливными дождями, швыряемый туда-сюда своенравными ветрами, которые дули со всех сторон света, сверху, снизу. Даже Кидд, который пережил шторм в Баб-эль-Мандебском проливе без малейших признаков морской болезни, сейчас оставил весь свой ужин за бортом.

⁴ Рулевой; второе после капитана лицо на корабле.

– Я понятия не имел! – проорал Секстон. – Ни Галлей, ни Дампьер не предполагали ничего подобного!

– Да чтоб им пусто было, черт возьми! – выругался Кидд. Даже капитанская сноровка не могла им помочь; как бы он ни ставил паруса, корабль шатался и кружился, как спятивший пьяница.

Никогда в своей жизни Кидд не чувствовал себя столь беспомощным. Повсюду были штормовые облака; стрелка компаса беспорядочно вертелась. Все смешалось: где верх, где низ – не разобрать.

– Как нам выбраться из этого хаоса? – спросил он у Секстона.

– Найти просвет и двигаться туда!

По теории Секстона, вести корабль с воздушным штурвалом было проще простого; но, к сожалению, это осталось лишь теорией. На практике же – из-за любых махинаций со штурвалом их судно выделявало головокружительные виражи, грозя оставить команду за бортом.

Прошла вечность, вечность в моряцком аду непрекращающегося, вездесущего ветра и молний, прежде чем по правому борту появился небольшой просвет. Хоть Кидд и Секстон прочно заклинили штурвал налево, а моряки работали споро и умело, лишь очередная воздушная бочка стала им наградой.

– Богом проклятая погода! – крикнул Кидд.

– Не поминайте имя Божье всуе, – отреагировал Секстон. – Веруйте в Него, и Он поможет. – И он указал на просвет.

Показалось еще одно пятно чистого голубого неба. В ту же минуту с левой стороны подул ветер, подталкивая туда корабль.

Кидда охватило воодушевление.

– Поднять грот! – крикнул он. – На брасы, левые!

Боцман, привязавший себя к кормовой мачте, уставился на Кидда так, будто сомневался в здравости его рассудка. Когда начинался шторм, они (как требовал того давний морской обычай) убрали все паруса и воздушные шары, встречая его голыми мачтами. Так они смогли сохранить паруса. С того момента они поднимали лишь самый минимум, чтобы контролировать корабль; теперь же Кидд хотел поднять главный парус, чтобы поймать как можно больше ветра.

– Пошевеливайтесь! – настойчиво повторил он, подгоняя команду.

– Есть, капитан! – ответил боцман. Он и другие моряки отвязали себя и осторожно, перехватывая ванты⁵, взобрались на грот-мачту. Только усердие, сноровка и храбрость, приобретенные за десятки лет, позволили им развернуть все паруса и установить их так, чтобы полностью поймать ветер слева.

Как только паруса были расправлены, порывистый ветер наполнил их. Даже сквозь шум был ясно различим страшный звук рвущейся парусины. Но корабль накренился под ногами Кидда, направляясь прямо к голубому просвету. В море подобный маневр был неосуществим, но под ними был только воздух, а значит, правила игры полностью изменились.

– Поднять все паруса! – скомандовал Кидд. – На брасы, левые! Живо! – При благоприятном ветре такая уловка могла сработать, иди они на всех парусах полным ходом.

Подчиняясь приказу, команда расправляла один мокрый парус за другим. Стоило новому парусу подняться, как корабль начинал лететь вперед все стремительнее.

Штормовой ветер кренил корабль на правый борт так сильно, что киль уже смотрел ему навстречу.

⁵ Ванты – снасти стоячего такелажа, которыми укрепляются мачты, стеньги и брам-стеньги с бортов судна. Служат для матросов для подъема на мачты и стеньги для работы с парусами.

Кидд и Секстон по-прежнему крепко держались за снасти, ведь корабль почти лежал; но земное притяжение почти отпустило его, поэтому за борт никто не падал.

Голубой просвет неба был уже над грот-мачтой и становился все ближе.

И вот корабль прорвался, оказавшись в голубом чистом воздухе. Позади остался шторм, этот пугающий шар молний и темных облаков.

– Спасибо тебе, Господи, за бывалых моряков! – вскричал Кидд.

* * *

Кидд, Секстон, Эдмондс и корабельный плотник парили в воздухе над правым бортом корабля, вокруг лодыжки каждого был привязан трос, чтобы не дать им улететь. Они попали в шторм три недели назад, но на своем пути не раз замечали в стороне похожие темные скопления бурлящих облаков. Кидд с Секстоном все время спорили, как лучше подготовиться к новому шторму, в который они рано или поздно попадут.

Между сухими моллюсками и следами от корабельного червя на корпусе плотник мелом начертил большой белый крест.

– Вот тут, капитан, – ежели вы уверены...

Ни малейшей уверенности у Кидда не было. Исподлобья он глянул на Секстона.

– Это безумие. Рубить дыры в корпусе?

– Это единственный способ. – Секстон хмуро смотрел в ответ.

Все три недели межпланетная атмосфера забавлялась с кораблем, как хотела: меняющийся ветер швырял его из стороны в сторону, заваливая то на один, то на другой борт. Они привязывались сами, закрепляли инвентарь, но все напрасно: корабль вел себя непредсказуемо, и многие матросы получили травмы (благо, что не оказались за бортом). Кидду удалось привыкнуть к новым условиям, хотя ему продолжало казаться, что при всяком удобном случае корабль начинает брыкаться.

Секстон предложил новый неожиданный план: перенести грот-мачту и бизань-мачту с борта корабля на его корпус таким образом, чтобы они составили равностороннюю У с фок-мачтой, а паруса оказались бы поровну распределенными в вертикальном положении. Секстон полагал, что это позволит кораблю лететь навстречу главному ветру кормой, а не крениться на стороны; согласно его теории, вести такой корабль стало бы проще. Мачты под ватерлинией – такого история не видывала!

– Нам придется спилить мачты с кильсона!⁶ – возразил Кидд. – Мы никогда не сможем восстановить корабль!

Секстон примирительно поднял руки.

– Я обещаю, эта новая конструкция приведет корабль в баланс, – сказал он. – Все, что требуется от вас, – по возможности обезопасить мачты в их новом положении.

Чтобы закрепить мачты, Кидд и его люди должны были полностью обновить систему такелажа. Они работали бы без права на ошибку – запасных канатов не хватало. Окажись такелаж недостаточно прочным, чтобы удержать паруса под давлением ветра, – и мачты просто раздробят корпус. Он тряхнул головой.

– Не уверен, что это можно проверить. Дайте мне время, черт побери! Может, мы научимся вести его в таком виде...

– Нет. Мы спорили достаточно. – Секстон скрестил руки на груди и сердито посмотрел вниз, туда, где рядом с корпусом плавал Кидд. – Нам нужно управлять кораблем уверенно и быстро, иначе в следующем шторме мы будем болтаться как неприкаянные или вовсе разобьемся в щепки.

⁶ Продольная балка на судне, расположенная параллельно килю.

– Это приказ? – Кидд попытался расслабить сжатые челюсти.

– Если необходимо.

Двое мужчин напряженно смотрели друг на друга несколько минут. Эдмондс и плотник переводили взгляд с капитана на философа и обратно.

Когда-то Кидд был капитаном своей судьбы. Теперь же он оказался в подчинении у тощего школяра с редкой бородкой, и эта перемена его раздражала.

И все же... Идеи Секстона до сих пор срабатывали без сбоев. Если им удастся выполнить эту миссию, то легенда о Кидде-путешественнике-на-Марс сможет затмить грязные слухи о Кидде-пирате.

Он наклонился, чтобы перекинуть трос с лодыжки на плечи, затянул петлю и оперся босыми ногами на шероховатый, высушенный корпус.

– Дайте мне топор, – сказал он плотнику. Получив требуемое, он прицелился и опустил топор на корпус.

Если кто-то мог убить корабль Кидда, то только он сам.

Марс мерцал в окуляре – тусклый, медного цвета шар. Когда солнечные лучи касались облаков, океанов и озер Земли, она вспыхивала и мерцала, подобно стеклу. Марс же выглядел матовым, как сухое, необработанное дерево. Мертвый мир.

Кидд убрал подзорную трубу, взглянув на приближающуюся планету невооруженным глазом. Диск Марса уже вырос до размеров ногтя большого пальца и продолжал приближаться день ото дня.

Кажется, их ждала увлекательная пора...

Катастрофа подкралась незаметно. «Марс Эдвенчер» покинул Лондон с запасами еды и воды на три месяца; этого должно было хватить на месяц больше, чем, по теории Секстона, могло продлиться их путешествие туда и обратно. Миновало уже примерно восемь недель, дольше, чем предполагалось, но после обновления конструкции корабля они научились-таки справляться с ним, поэтому диковинный план Секстона работал превосходно. На шестой неделе все согласились перейти на урезанный паек и прибавить ходу, чтобы вернуться быстрее.

Когда в первой бочке не оказалось воды, они списали это на случайность. Во второй и в третьей тоже не было ни капли. В голове Кидда зазвенел тревожный звонок. Они с кватермастером отправились в трюм проверить оставшиеся.

Почти треть из них были пусты. Даже на урезанном вдвое пайке им предстояло умереть от жажды раньше, чем вернуться в Лондон.

– Будь ты проклят, Йель! – прошипел Кидд, сдавливая в руках подзорную трубу будто шею лавочника. Больше, чем Йеля, Кидд проклинал самого себя. Он годами охотился на пиратов, его предали и покинули друзья, но и это не позволило ему усвоить урок: полагаться стоит только на себя.

Вдруг Секстон хлопнул его по плечу, прервав его думы.

– Не вините этого лавочника, – произнес он беспечно. – Он тут ни при чем.

– А кто при чем? – осведомился Кидд, стараясь сохранить остатки самообладания. – Либо он обманул меня – а значит, и короля, – либо он просто болван и не знает своего дела. Секстон покачал головой.

– Прошлой ночью я понял, в чем причина. Те бочки были полны, когда мы загрузили их, но они же сделаны для земного климата. Заметили ли вы, какой сухой стала атмосфера?

– О да... – Кидд облизнул потрескавшиеся губы сухим, точно старая кожа, языком. По мере того как приближался Марс, воздух становился все холоднее и суше.

– Воздуху необходима влага, поэтому первым делом он высушил деревянные бочки, потом впитал в себя воду сквозь зазоры между досками. В следующий раз заделаем бочки воском или свинцом, чтобы предотвратить испарение.

– Следующий раз? – Кидд невесело рассмеялся. – Для нас уже не будет никакого «следующего раза». – Он обратил свой взгляд на пустой, безоблачный воздух и на мертвую сухую планету внизу. – Быть может, море таинственно и негостеприимно, но в нём порой встречаются острова с источниками и озёрами, полными свежей воды. В воздухе нет островов.

– Островов, может, и нет. Но здесь есть... каналы.

– Каналы? – Кидд озадаченно моргнул.

– Дайте вашу стекляшку. – Секстон взглянул на Марс через подзорную трубу капитана, потом вернул ее и указал на что-то. – Вон. Рядом с краем планеты.

Довольно долго Кидд не мог ничего разглядеть. Потом, поблескивая в рассеянном солнечном свете, возникло нечто, волнистое и расплывчатое, похожее на серебристые ниточки.

Кидд отстранил телескоп.

– Всего лишь миражи.

– Каналы, – настаивал Секстон. – Что там может быть, как не вода? Если бы корабль мог спуститься к ним и снова набрать высоту, мы бы спаслись.

И снова Кидд облизнул сухие губы, раздумывая. После чего повернулся к боцману.

– Отправляйся к плотнику. Передай ему: нам нужно нечто вроде ног, чтобы мы могли приземлиться на песок.

Теперь Марс маячил над носом корабля, пылающий красным светом и необъятный, словно купол собора Святого Петра на закате. Огненную сферу накрывала белоснежная верхушка Северного полюса. Эдмондс предложил приземлиться туда и растопить снег, но эту идею Секстон отверг. Он опасался, что полярный регион слишком холоден и их запасы угля попросту не позволят нагреть воздух до нужной температуры и снова взлететь. Вместо этого они летели на сорок градусов северной долготы, туда, где сходились несколько крупных каналов. Секстон поклялся, что увидел там в подзорную трубу признаки города; стареющие глаза Кидда ничего такого не заметили. В конце концов, шансы найти воду в таком канале куда выше.

Быть может, эти серебристые нити и правда каналы, полные пригодной для питья воды, а не странные марсианские источники неизвестно с чем. Быть может, у них получится приземлиться в намеченное место. Быть может, это приземление они даже переживут...

Даже Секстон не знал, что ждет их на поверхности Марса, которая становилась все ближе.

Теперь ветра дули сильнее и быстрее, будто бы корабль вошел в зону турбулентности, где межпланетная атмосфера столкнулась с собственно марсианской вращающейся воздушной сферой. Но команда Кидда уже поднаторела в вопросах воздухоплавания и надежно закрепила такелаж. Штормовые облака обходили их стороной, не то что на Земле.

– Воздух здесь слишком сух для шторма, – предположил Секстон; его губы потрескались, как и у всех остальных. – Даже для облаков, коли на то пошло.

Им оставалось только ждать благоприятного ветра, чтобы поймать его в паруса. Ветер то менялся, то вовсе затихал; тогда они спускали паруса и двигались по инерции вперед до тех пор, пока не налетал новый порыв. Работа была выматывающая, зато двигались очень быстро. Секстон предположил, что скоро они смогут использовать воздушные шары, ведь Марс был уже довольно близко.

По движению мелкого воздушного мусора Кидд научился определять направление ветра, поэтому он то и дело поглядывал в подзорную трубу. Неожиданно в поле его зрения ворвалась стайка серебристых колеблющихся теней.

Этим созданиям Секстон дал труднопроизносимое латинское название, которое Кидд даже не пытался повторить. Остальные называли их летающей рыбой, хотя они отдаленно напоминали рыб только формой, но не по вкусу. Они не то чтобы летали, но скорее проносились в воздухе целой стайей. За несколько недель Кидд заметил, что такая стая частенько появляется как предвестник сильного ветра... Как раз такого и ждал теперь капитан.

– Поднять брамсели! – крикнул он, и команда приступила к работе. Многие передвигались по воздуху большими прыжками. Они привыкли к таким маневрам; помогая себе руками и ногами, они, почти невесомые (Секстон все настаивал, чтобы это состояние звали «свободным падением», хоть никто никуда и не падал), быстро перемещались от носа корабля к его реям и парусам. Кидд переживал за матросов: что же будет на земле, когда падение с такой высоты снова станет смертельным?

Кидд, перехватываясь за леер гакаборта⁷, перебрался с одной стороны кватердека⁸ до другой, поглядывая то на грот-мачту за бортом, то на бизань-мачты. Команды всех трёх мачт свое дело знали, поэтому за считанные минуты все паруса были убраны.

И тут на них обрушился мощный порыв ветра. Весь корабль содрогнулся, верхушки рей задрожали, мачты протяжно застонали от такого напора; некоторые матросы с гиканьем запрыгали на своих линиях безопасности. Кидд и Эдмондс налегли на колдершток⁹, упираясь ногами в палубу изо всех сил; ветер не давал им повернуть корабль на нужный курс. Снасти выдержали, не раз латанные паруса тоже, и корабль стремительно рванул к незнакомой планете.

Но чуть погодя к Кидду подоспел Секстон, с трудом цеплявшийся за линь безопасности. Он даже потерял где-то свой парик.

– Стойте, стойте! – Секстон перекрикивал шум ветра. – Мы уже вошли в атмосферу планеты! Я был глупцом, когда не учёл, что сила притяжения на Марсе меньше, чем на Земле. Его атмосфера должна быть менее плотной, а значит, обширнее!

– У меня нет времени на натуральную философию, доктор! – рявкнул Кидд в ответ.

– Вы не понимаете, капитан! Мы падаем!

Наконец-то Кидд понял то, что его тело твердило ему вот уже которую минуту. Вот чем была быстрая, растущая с каждой секундой скорость корабля – падением. Кидд снова ощутил свой вес, он тянул его к носу корабля, а корабль продолжал приближаться к планете.

– Надуть шары! – скомандовал он. – Живо! Шевелитесь на пределе сил!

Матросы шкафутной команды незамедлительно направились к большим сундукам на палубе, куда были убраны воздушные шары. На Земле они надували их целый день; сейчас времени было куда меньше – они находились в эпицентре шторма.

Кидд наблюдал за парусами, ежеминутно регулировал их направление, чтобы меняющийся ветер не разнёс корабль в щепы. Может, стоило бы спустить их, потерять контроль, но сбросить скорость?

От этого размышления его отвлек полный ужаса крик на шкафуте. Кричал старшина шкафутной команды.

– Сгнило! – мученически рыдал он. – Все сгнило!

В его руках был обрывок черного сгнившего шелка.

Кидд метался от одного сундука к другому, чтобы оценить ущерб. Все шары прогнили в тех местах, где шелк касался деревянных стенок сундука. Центральная часть шаров была цела, но из-за того, каким образом они были уложены, каждый был испещрен дырами. Не

⁷ Верхняя закругленная часть кормы судна.

⁸ Помост либо палуба в кормовой части парусного корабля.

⁹ Специальное приспособление, облегчающее поворот штурвала на корабле.

было никакой надежды, что хоть один из них сможет удержать воздух, особенно сейчас, когда времени не оставалось.

Кидд посмотрел на сгнившую ткань, которую крепко сжимал в руках.

Именно он сворачивал воздушные шары. Он прекрасно осознавал их важность, знал, что они – залог их спасения, когда они вернутся на Землю. Он сам проверил, чтобы они были правильно свернуты и уложены.

Капитан не учел того, что в тот момент они уже были мокрыми, еще до того, как их спустили. Виною тому был первый штормовой дождь. Влажный шелк, неважно, насколько аккуратно его сложили, все равно бы покрылся плесенью и сгнил.

Кидд своими руками погубил «Марс Эдвенчер». Он обращался с нежным шелком как с обычной парусиной, и чувствительная ткань от его небрежного обращения завяла и умерла, точно цветок.

Он безнадежно посмотрел на Марс, огненный пылающий шар, неумолимо надвигающийся прямо на них. При столкновении с этим каменным шаром корабль разлетится в щепки. Теперь уже точно.

Рядом с ним возник Секстон. Не говоря ни слова, Кидд показал ему сгнивший шелк.

– Все такие? – спросил философ.

Не в силах говорить, Кидд кивнул. Не будь невесомости, он бы рухнул в отчаянии прямо на палубу.

Секстон немедленно достал подзорную трубу и уставился в нее так напряженно, будто собирался силой своего взгляда прожечь дыру в штормовой завесе. Но в конце концов он убрал инструмент и, точно в воду опущенный, повернулся к Кидду.

– Нам отсюда не выбраться, – признал он. – Мы уже слишком глубоко проникли в атмосферу Марса; его притяжение удерживает нас сильнее. – Он вздохнул. – Если бы только мы могли расправить плавники и улететь, подобно *caelipiscines*.

Кидду пришлось поднапрячься, чтобы узнать латинское имя, которое Секстон дал летающим рыбам.

– Или выгрести из этой беды.

Сколько раз за годы мореплавания Кидд садился на весла и спасал корабль, когда ветер и волны предавали его.

На душе у Кидда было тяжело, но в глазах Секстона вспыхнул огонек вдохновения.

– Весла, – сказал он, – весла! Быть может, они помогут...

– В такой шторм? Они же сломаются, как прутики!

Секстон потряс головой.

– Представим плавники *caelipiscines*.

Кидд пока не понимал, куда клонит Секстон, но все же попытался представить плавники летающих рыб. Широкие, покрытые пленкой, укрепленные паутиной тонких, но жестких перепонок.

Каждая перепонка была не толще голубинового перышка, но их было очень много. Когда рыба рассекала воздух плавником, давление распределялось равномерно.

Нет. Они летели не совсем как птицы. Их движение скорее походило на греблю.

– Боже мой, – произнес Кидд, начиная понимать.

– Но мы немедленно должны сбросить скорость, – сказал Секстон, – или у нас не будет шанса.

– Спустить паруса! – скомандовал Кидд. – И зовите сюда парусного мастера, такелажника и плотника!

После того как парусный мастер, плотник и такелажник закончили работу, места на палубе осталось очень мало.

Наименее пострадавшие полотнища шёлка они разрезали на полосы; каждая такая полоска связала между собой соседние весла. Вся конструкция должна была стать крыльями огромного размаха и чем-то напоминала паруса китайской джонки. Но пока что шкафут корабля выглядел как бесформенная масса белой ткани в чёрную полоску. Гнилой шелк полоскался на ветру, пока корабль падал в марсианском воздухе. Даже двое сильных мужчин с трудом удерживали одно весло, сопротивляясь силе ветра.

Уключины они усилили стапель-блоками, а между ними продёрнули самые прочные канаты под килем корабля. Сеть из канатов точно уложила корабль в веревочную колыбель.

– Не сработает, – пробормотал Секстон. – Я глупец, раз поверил в это.

Утратить веру в свою идею – вот уж совсем не похоже на Секстона. Обычно он цеплялся за любую мысль, неважно, насколько непрактичной она ни казалась Кидду, до безоговорочного успеха или абсолютного провала. Но сейчас, когда жизнь всей команды зависела от этой безумной затеи, натурфилософ почти ударился в панику.

– Сработает, – ответил Кидд, похлопав Секстона по спине, хотя на самом деле он не был в этом уверен. – Должно сработать.

Теперь Марс казался таким огромным, что взглядом его было не охватить. Стал виден неестественно изогнутый горизонт. Планета приближалась, атмосфера давила на корабль, и к Кидду снова вернулся вес. Он по-настоящему стоял на палубе. За два месяца он и забыл, как это. Секстон говорил, что вес будет не больше трети от того, что был на Земле, – и хорошо: после стольких недель невесомости Кидд держался на ногах не увереннее новорожденного олененка.

Или же колени его слабели от ужаса.

Кидд подбирался к краю кватердека, изо всех сил пытаясь придать своему шагу уверенности; он хотел обратиться к команде. На обычном корабле он бы залез на бизань-мачту, но бизань-мачта «Марс Эдвенчер» теперь находилась на корпусе со стороны правого борта.

– Друзья, мы не будем грести! – произнес он, перекрикивая шум ветра. – По крайней мере, не будем грести как обычно. Вы знаете команду «табань», верно?

Зазвучал нестройный хор голосов. На кораблях такой величины команда «табань» никогда не звучала. По этой команде полагалось упереться ногами и удерживать весло горизонтально, чтобы застопорить шлюпку.

– Вот что мы сделаем. Во-первых, мы выставим весла за борт, потом, по команде, движем их вперед, медленно и аккуратно. И будем держать эти весла, держать изо всех сил, потому что весь корабль будет на них висеть! – Он обернулся к Секстону за подтверждением и получил в ответ нервный кивок. – По команде опускайте или поднимайте их. Только не сильно! Будто бросите паруса.

За вздувающимися волнами гнилого шелка виднелись лица с выражением беспокойства.

И все же в них была надежда и доверие... они надеялись на него, они ему верили.

Кидд сжал челюсти. Ему до смерти хотелось доказать, что этого доверия он достоин.

– Выставить весла за корму! – крикнул он. – Закрепить в уключинах!

Очень умело моряки кинулись исполнять команду, которую капитан вряд ли произносил раньше, используя совершенно невиданные на флоте приспособления. Лес из весел вырос за бортом, с серией коротких резких хлопков, похожих на выстрелы, натянулся шелк.

Прошла вечность, прежде чем боцман сказал:

– Готово, капитан.

Кидд перевел дыхание. Это был момент истины: либо идея Секстона спасет их, либо погубит.

– Табань! Помалу! – решительно, с какой-то одержимостью проревел он.

Изо всех сил, кряхтя от напряжения, моряки старались удержать весла с наклоном вперёд. Воздушный поток невообразимо давил на натянувшуюся шелковую мембрану.

Все они были хорошими моряками, лучшими. Их кормили по высшему разряду, на королевские-то деньги. Но хватит ли им сил удержать весла?

Постепенно весла и канатные петли развернулись, натянутый шелк звенел. Тогда корабль дернулся и сменил курс. И корпус, и моряки стонали от напряжения, Кидд тоже чувствовал давление: поток воздуха начал замедлять падение.

– Держитесь, приятели! – крикнул он, крепко держа свою шляпу.

«Марс Эдвенчер» начал превращаться из воздушного судна в нечто, похожее на огромную летающую рыбу, вихляя, дрожа, сражаясь, точно загнанный марлин.

Теперь алый неровный горизонт Марса начал выпрямляться. Тонкие облака обтекали корабль со всех сторон. Секстон, держась за нактоуз, смотрел в свою подзорную трубу, выкрикивал направление и махал руками. Все его движения Кидд передавал своей команде.

– С левого борта чуть поднять! – выкрикнул он. – С правого – держать крепче!

Рев ветра оглушал.

Кидд не всегда понимал, что показывал Секстон. Он подозревал, что и Секстон это не всегда понимал. Частенько моряки перевыполняли или недовыполняли команды капитана – команды, которые они слышали первый раз. Стоило хоть на секунду утратить контроль над веслом, как корабль бешено разворачивало и кидало. Чудо, но весла были целы и никто не вывалился за борт; корабль тоже не ушел в неуправляемый полет. Поврежденный шелк продолжал расплзаться, пока вся конструкция держалась.

Поверхность планеты становилась все ближе и ближе, теперь их место назначения превратилось в красно-золотое пятно под килем. Незнакомые минералы виднелись со всех сторон: оранжевые камни невероятной формы, каких Кидд не видел ни в одном путешествии. Широкие каналы, полные воды, тянулись до самого горизонта, они то появлялись, то исчезали за вспышкой. Потом возник поразительный город, с высокими шпилями, широкими улицами и даже мельканием спешащих обитателей, и исчез за кормой. Кидд смотрел и не верил своим глазам.

– Капитан! – воскликнул Секстон.

Он как безумный тыкал в огромную дюну из красного песка, маячившую впереди.

– По правому борту опустить на пять румбов! – рявкнул Кидд. – По левому – поднять на пять!

Пытаясь выполнить команду, моряки взвыли от усилия. Весь корабль заскрипел и содрогнулся, накренившись направо. Кидд и Секстон всем весом навалились на румпель, чтобы помочь.

Очень неохотно и грузно корабль изменил курс.

Но поздно. Столкновение с дюной было неизбежно.

– Все передние поднять! Все кормовые опустить! Держать крепко! Да поможет нам Господь!

Нос корабля задрался вверх, горизонт бешено накренился. Внезапная перемена вдавила моряков в весла; многие закричали, кто-то отпустил весло и покатился по палубе. Отовсюду раздавался звук рвущегося шелка и треск ломающегося дерева.

Кидд и Секстон поползли по дрожащей палубе до нактоуза и вцепились в него изо всех сил.

Раздался чудовищный звук удара, точно сам Господь обрушил на них залпы. Корабль сел.

Кидд приподнялся на холодном песке, склонив голову, будто в молитве. Но он не молился; он просто пытался прийти в себя. Он медленно размышлял, услышит ли Бог молитвы людей с Марса.

Как ни странно, сам корабль почти не пострадал. Он лежал на широкой мягкой груди той самой дюны. Две нижние мачты были разбиты в щепки, на их месте в корпусе корабля зияли две больших дыры. «Ноги» для приземления, смастеренные плотником, тоже выдрало вместе с досками. Груз и уголь были разбросаны по песку тут и там. Где-то там, позади, лежали тела троих моряков, которые вылетели с корабля в момент крушения, двое других погибли от ран. Остальные должны были выздороветь. Кидд держал левую руку на перевязи, но считал себя счастливым: еще бы, отделался всего лишь вывихом плеча.

Днем погода на поверхности Марса была такой же, как и в воздухе: холодной и сухой; слабый ветер гулял по пустыне и поднимал мелкие песчаные вихри. Через час после крушения село солнце, и Кидда пробрало до костей: он чувствовал холод даже сквозь свой плотный камзол; у некоторых матросов вовсе не было теплой одежды. Они давно не видели сумерек: два месяца они летели сквозь ясный воздух меж планет. Почти никто не спал, все ослабели, а неяркий солнечный свет на рассвете лишь сделал более видимым прискорбность их положения.

Звук шагов по песку заставил Кидда поднять голову. Эдмондс – а это был он – выглядел изможденным.

– Мы проверили запасы, сэр.

Кидд молча ждал.

– У нас есть говядина и горох, хватит на два месяца при усеченном пайке. Но вот бочки с водой... – Эдмондс покачал головой. – Половина из них разбилась, сэр. Едва-едва хватит на две недели.

Капитан втянул в себя воздух; он не знал, что сказать. Прежде чем он придумал ответ, раздался крик. Один из матросов стоял на носу корабля, упираясь ногой в сломанный бушприт, размахивал руками и что-то выкрикивал, но ветер относил слова в сторону, по пустыне.

Кидд неловко поднялся на ноги и приложил здоровую руку к уху.

– Что ты сказал? – переспросил он.

Матрос сложил руки на манер рупора.

– Марсиане!

Местные чем-то напоминали крабов – крабов размером с людей. У них было по четыре конечности – две руки и две ноги – вдоль туловища, и ходили они на ногах. Но эти конечности находились в неправильных местах и были целиком покрыты твердым панцирем, белым на животе и красно-золотым, как песок, на спине. Вместо головы на туловище был выступ, из которого торчали два черных глаза на подвижных ножках, совсем как у лобстеров, и вертикальный рот, совсем как кузнечные клещи. Каждая рука напоминала крабика поменьше, на каждом пальце угрожающе торчали когти.

Они столпились в ожидании. Их было больше сотни.

Кидд опустил подзорную трубу и повернулся к Секстону.

– Как ты думаешь, дикари говорят по-английски?

Секстон выглядел ужасно: его наряд порвался, парика давно не было, а щеки потемнели от щетины.

– Вряд ли. Не думаю, что это дикари.

– Почему же?

Секстон еще раз глянул в подзорную трубу, Кидд сделал так же.

– Они одеты. Обрати внимание на цвета и узоры – очень утонченные. Чем-то напоминают персидские ковры. Посмотри на того, что в центре, в шляпе. Кажется, у него на плечах и запястьях есть украшения.

Кидд прищурился, но не смог-таки разглядеть столько деталей, сколько зоркий Секстон.

– Я вижу только мечи.

У каждого за поясом был длинный тонкий меч, без ножен, изогнутый как персидский шамшир; были еще и клинки поменьше, тоже тонкие и изогнутые. Они поблескивали в лучах бледного восхода.

Секстон усмехнулся.

– И мы вооружены, разве нет? Это не делает нас дикарями.

Кидд не нашелся, что ответить.

Кидд неуклюже спускался по склону из мягкого песка. Он старался держать голову высоко поднятой, но не мог удержать равновесия: мешала сломанная рука и мешок с дарами – золотые монеты, стеклянные бусы, сушеная говядина, фляга с водой и Библия. Он заметил, что у марсиан ступни были широкие – как раз для ходьбы по песку. Они были одеты в свободные, как у индусов, шаровары до колен. Сами ноги, покрытые красноватым панцирем, оставались голыми.

Кидд сосредоточился на этих деталях, и это помогло ему не скатиться по песку кубарем.

Секстон шел впереди, выставив раскинутые пустые руки.

– Мы приветствуем вас именем Короля Англии и Ирландии Вильгельма III, и Вильгельма II Шотландского.

Марсианин в шляпе отделился от толпы и сделал шаг вперед. От него исходил отчетливый, но вовсе не неприятных запах, что-то среднее между конюшней и корицей; яркий металл, которым был украшен его панцирь, оказался чистым золотом. Щебеча и потрескивая на своем языке, хитиновой рукой он указал на небо, потом широким жестом обвел «Марс Эдвенчер», англичан и марсиан. И замолчал, опустив руки.

Секстон и Кидд обменялись взглядами. Даже натурфилософ был сбит с толку этим представлением.

– Может, Библию ему покажем? – предложил капитан. – Он указал на Небеса...

– Идеи получше у меня нет, – согласился Секстон. Кидд протянул ему тяжелую книгу и открыл на Книге Бытия. – Это наша самая священная книга, – благоговейно объяснил Секстон марсианам. – А это история сотворения Вселенной.

Марсианин взял книгу, внимательно изучил ее со всех сторон, попутно раздавая трескучие комментарии своим людям. Он проводил когтями по строкам, будто читая, и осторожно постукивал по кожаной обложке и переплету. Он поднес книгу к лицу, соединив глаза странным образом.

Потом, к ужасу Кидда, он медленно и осторожно вырвал страницу, скомкал ее и засунул меж отвратительных челюстей.

Обида сковала их; Кидд и Секстон не могли сделать ничего лучше, чем просто стоять и, выпучив глаза, смотреть, как марсианин жует и глотает страницу, явно чего-то ожидая. Ни один лондонский гурман не дегустировал вино в своем любимом клубе с таким напряженным вниманием. Черные незащищенные глаза даже потеряли фокус, когда местный сосредоточился на ароматном букете вкусов пергамента и чернил.

Секстон буквально кипел от ярости.

– Это же Слово Божье! – выпалил он.

Кидд тоже был оскорблен, но не так сильно, как Секстон, и он ясно осознавал, что их со всех сторон обступила толпа вооруженных марсиан.

– Доктор, полегче, – тихонько пробормотал он и опустил руку Секстону на плечо.

С заметным усилием тот успокоился. Но когда марсианин вырвал вторую страницу, потом третью, деля их на кусочки поменьше и раздавая своим, Кидду пришлось буквально держать Секстона.

– Похоже, Слово Божье показалось им весьма... удобоваримым. – Кидд здоровой рукой обхватил Секстона поперек узкой груди, оттаскивая его подальше. У него самого богохульное поведение марсиан вызвало истерический смех, который он едва сдерживал.

Секстон глубоко вздохнул и похлопал Кидда по руке. Капитан отпустил его.

– Прости им, Господи, – произнес он, возводя глаза к нему. – Они не ведают, что творят.

Пока они разговаривали, марсианин передал Библию своему подданному. Третий же выступил вперед со сплюснутой стеклянной бутылкой в руках: главный протянул ее Секстону. На поверхности были какие-то завитки, вероятно, письма; содержимое переливалось цветом темного янтаря.

Секстон и Кидд обменялись вопросительными взглядами. Кидд вытащил пробку из мягкой смолы и осторожно понюхал содержимое. Он приподнял бровь, не решаясь пока ничего говорить.

Вкус был необычный, с нотками имбиря и сосны, но густой насыщенный глоток был таким знакомым и так обжигал, что на глазах выступили слезы.

– Не «Фаринтош», конечно, – обратился он к Секстону, – но, черт меня побери, это отличный виски!

Секстон моргнул и слегка поклонился марсианам.

– Что ж, основу для меня мы, кажется, отыскали, – сказал он.

Кидд грел руки у костра марсианского принца, удивляясь, как далеко он занёсся со времён Ньюгейтской тюрьмы.

Несмотря на трудности с коммуникацией, марсиане с удовольствием меняли свои товары на книги, ремни и прочие кожаные вещи. Марсианское мясо, хоть и островатое, с душиком, было вполне годным; ко всему прочему, команде Кидда позволили поселиться в маленьком круглом здании, которое было вырезано из единого куска песчаника. Секстон, правда, предположил, что этот «камень» был просто песком, слепленным в единое целое с помощью слюны марсиан, но об этом Кидд старался не думать.

Секстон же был тут просто счастлив. Он занялся изучением марсианских флоры и фауны, марсианского языка и астрономии – он обнаружил, что у этой планеты есть две маленькие луны. Казалось, он был бы рад остаться тут до конца дней.

Но на их корабле был очень ограниченный запас того, что можно было бы продать. Одни моряки уже работали на марсиан, другие их развлекали – например, играли на свистулке – в обмен на спиртное и всякую всячину, но это не могло продолжаться вечно. Кидду начинало казаться, что марсианин в шляпе смотрит на них уже негостеприимно своими выпуклыми черными глазами.

Кидд отошел от огня и пересек общую комнату. Он направлялся туда, где Секстон изучал одну из марсианских книг – длинную катушку тонкого металла, покрытую веретенообразными письменами. Марсианская сталь была куда лучше английской и могла сравниться с лучшей испанской; плюс она водилась здесь в изобилии.

Секстон был настолько погружен в работу, что не сразу заметил присутствие Кидда.

– Мне кажется, вот это глагол, – сказал он, указывая на один из значков на исписанной полоске стали.

– У меня есть вопрос натурфилософского характера.

– Да?

– Идем-ка.

Они завернулись в плащи – дорогие, мягкие плащи ярких цветов – и вышли наружу, туда, где тусклое солнце давно спряталось за горизонтом. Улицы были тихи и очень темны (марсиане предпочитали проводить вечера дома), но на небе сияли тысячи звезд.

– Которая из них Земля? – спросил Кидд, выдыхая облачка пара.

Секстон посмотрел на небо и через минуту указал на звезду.

– Прямо за восточным горизонтом, я думаю. Она появится в течение часа.

– Ясно, – Кидд глядел в ту сторону. – Что нужно, чтобы вернуться?

– Новые воздушные шары, конечно, – без колебаний ответил Секстон. Он детально обдумывал этот вопрос, словно забавную логическую задачку. – Здесь есть множество отличных тканей. – Он пощупал плащ. – Еду и воду можно достать у местных, как и уголь, чтобы нагреть воздух. Самая большая проблема – замена матч.

– Да-да, матчи. – Марсиане вообще не использовали дерево для строительства. В городе из камня и стали дерево использовали только для топки.

– Ко всему прочему необходимо отремонтировать все, что сломалось после крушения. Но главное – матчи. – Секстон похлопал Кидда по плечу. – Здесь вроде не так уж плохо, а? Пойдем обратно. Тут холодно.

– Сейчас.

Секстон вернулся к своим книгам, а Кидд устался на восток, будто бы силой взгляда он мог заставить маленькую голубую звезду Земли подняться быстрее.

Кидд ковырялся в коробке с кривыми корешками возле огня; он искал более или менее крепкие и ровные. Марсиан мало интересовали эти белые шишковатые коренья, жесткие и безвкусные. Всего за несколько часов работы их можно было добыть хоть целый центнер. Кидд подозревал, что это корм для животных. Но благодаря им они все еще не умерли от голода.

Книги и кожа, которые были на корабле, закончились несколько недель назад, а значит, теперь такая роскошь, как мясо, ром и сладости, были им не по карману. Но рабочие руки на Марсе были нужны, особенно такие, как сильные мускулистые руки опытных земных моряков, которые могли натаскать куда больше воды и угля, чем марсианские. Также нужно было пасти каких-то животных с овечьими повадками, но не овечьим видом. А еще нужно было постоянно ремонтировать каналы. Вся эта работа обеспечивала их едой (вроде как), водой и углем. Но такая жизнь не подходила моряку.

Наконец Кидд выбрал несколько кореньев для жарки, но в ящике не оказалось угля. Кидд чертыхнулся; их и жареными-то было трудно есть, а в сыром виде – совершенно невозможно.

– Секстон, – позвал он, бросив ему корзину, – принеси нам немного угля из кучи, а?

Кидд мысленно оплакивал свою судьбу; попутно он уложил корешки в костер. Секстона все не было.

– Где тебя черти носят? – крикнул он через плечо.

Но Секстон не ответил: его вообще не было видно.

Кидд раздраженно вздохнул, сетуя на натурфилософа, которого было так легко отвлечь. Секстон нашелся в соседней комнате: он держал полупустую корзину и внимательно рассматривал кучу угля.

– Ты, конечно, можешь ненадолго бросить свои созерцания, чтобы мы смогли приготовить ужин? – резко бросил Кидд.

Вместо ответа Секстон вложил в руку капитана какой-то грязный предмет.

– Что ты об этом думаешь?

Черный кусок был не углем, но деревом, покрытым угольной пылью. В качестве топлива марсиане использовали небольшие кусочки дерева; кусок у него в руках был куда больше обычного, размером почти с кулак, в остальном он ничем не отличался.

– Ну, дерево, – пожал плечами Кидд. – А что?

– Посмотри на кольца, старик! Посмотри на кольца!

Кидд прищурился, взгляделся внимательнее... и его сердце забилось быстрее.

– Судя по изгибу... эта деревяшка, должно быть, от ствола трех футов в обхвате, не меньше!

– Вот именно! – Секстон указал на другие похожие дрова в корзине. – И эти такие же. Но здесь нигде нет такого дерева. – Он поднял чурбанчик и поставил перед собой. – Мы должны найти его!

Кидд с трудом взобрался на вершину дюны, чтобы изучить горизонт в подзорную трубу.

– Ничего! – крикнул он Секстону. – Ни черта нет.

Не дожидаясь ответа, он скатился с песчаного холма, ногами толкая мелкий холодный песок к тому месту, где стоял Секстон. Лицо натурфилософа выражало досаду и усталость одновременно.

– Я готов поклясться, то прилагательное, которое он использовал, обозначает расстояние от двух до десяти миль. – Он сделал глоток из бурдюка. – Я выпил половину. Возможно, нам стоит вернуться.

Кидд оглянулся назад, на хорошо проторенный путь, которому они следовали в течение нескольких часов, потом вперед, туда, где тропинка терялась за линией горизонта.

– Ты уверен, что он имел в виду этот путь? И что он вообще понял, что мы ищем?

– Это чертовски сложный язык. – Секстон пожал плечами.

Кидд сделал маленький глоток воды, заслоняя глаза от солнца, и обдумал ситуацию. Был почти полдень, но все, что они видели в течение четырех часов путешествия, – бесконечный песок и минералы, которые некогда поражали своей необычностью, но теперь уже ставшие привычными. Свой бурдюк он еще не опустошил, но идея бросить бесполезную затею казалась ему заманчивой. И все же это была их единственная надежда.

Он окинул взглядом пустыню. Похожая на океан, но красная и сухая, и бесстрастная. И в отличие от моря, с порывами ветра и волнами, абсолютно безмолвная.

Нет... не совсем безмолвная. Быть может, это?..

– Мои ноги... – начал Секстон.

– Ш-ш-ш! – Кидд жестом велел ему замолчать.

Он прислушался внимательнее. Этого звука он не слышал уже много месяцев.

Топор. Стук топора об дерево. Раньше этот звук заглушали их собственные шаги по песку.

Они поспешили туда, за горизонт, и вскоре оказались на краю каньона, вероятно, двух сотен футов в глубину. Они находились всего в нескольких ярдах от него, но и не подозревали о его существовании. Песчаная дорожка, очевидно вырезанная марсианами из стены каньона, резко сворачивала вниз с поверхности пустыни. А внизу...

– Господь Всемогуший, – произнес Кидд.

Поверхность каньона зеленела. Из темного глинистого дна каньона поднимались прямые и гладкие стволы светло-медового цвета. Больше сотни зеленых крон выглядывали из глубины каньона. Между деревьев сновали марсиане; на фоне этих гигантов они казались крошечными.

Пока они наблюдали, одно из деревьев аккуратно повалилось на дно каньона. Марсиане взобрались на упавшего гиганта и начали рубить его на мелкие куски.

– Господи, да что они делают? – вскричал Кидд.

– Условия роста на дне этого каньона, должно быть, почти уникальные, – мечтательно сказал Секстон. – Но, как мы видим, угля здесь предостаточно. Возможно, они так привыкли жечь уголь, что им приходится рубить деревья на кусочки размером с угольки.

– Узники привычки, – Кидд потряс головой.

Пока он уставился на дно каньона, Секстон возбужденно шагал туда-сюда.

– Я должен выяснить, как эти деревья выжили посреди пустыни! Это может стать исследованием всей моей жизни!

Заслышав это, Кидд округлил глаза, а в пересохшем рту стало еще суше. Эти деревья были последним кусочком пазла под названием «Возвращение на Землю», но если он вернется без Секстона, перед ним снова замаячит тень виселицы.

Больше того, внезапно он осознал, что привязался к этому глупому гусю.

– Но Секстон, – сказал Кидд, приобняв его за плечи, – если ты сделаешь эти деревья исследованием всей своей жизни, то кто поможет нам восстановить корабль? Наверняка его нужно как-то усовершенствовать.

– Наверняка... – Секстон витал в облаках, пока до него медленно доходил смысл вопроса.

– И раз уж мы плывем по воздуху, нам опять придется ловить благоприятный ветер, который отнесет нас домой. Поэтому нам нужны новые теории о его перемещении.

– Действительно, проблема непростая. – Секстон охлопывал карманы в поисках записной книжки.

– Учти еще, нам нужно придумать, как перенести деревья целиком от каньона до корабля, а потом сделать из них мачты.

– Мачты? – Секстон точно очнулся.

– Мачты, – повторил Кидд.

– Это как раз то, что нам нужно! – Секстон рассмеялся. – Мачты!

– Мачты! – выкрикнул Кидд и тоже начал хохотать.

Двое мужчин схватились за руки и начали кружиться и пританцовывать, высоко подпрыгивая от радости в разреженном марсианском воздухе.

«Марс Эдвенчер» поднялся на пятьдесят футов над песком, натягивая якорные тросы. Над ним вздымались восемь огромных воздушных шаров, каждый едва ли не больше прежних – невообразимая мешанина ярких марсианских цветов. На них пошли почти все ткани в городе, заработанные непосильным трудом за долгие недели. Но и англичане, и марсиане были рады такому обмену.

Новые мачты были поразительными – прямые, гладкие и такие легкие, что потребовалась только половина моряков из команды, чтобы поднять их со дна каньона и закрепить на корабле. Они были легче всех материалов на Марсе... эти деревья, порождение крошечной, сухой, далекой планеты, были легче и крепче, чем что-либо на Земле. Они загрузили столько стволов, сколько поместилось в трюм.

– Построим целый флот летающих кораблей! – клялся Секстон. – И вернемся пополнить запасы! Мы целое состояние сколотим с этими стволами!

– Без меня, – ответил Кидд.

Секстон удивленно моргнул, потом широко улыбнулся.

– Наверняка знаменитому капитану Кидду корыстолюбия не занимать?

Кидд улыбнулся в ответ.

– На этот счет не сомневайся. Когда я вернусь, меня ждет благодарность самого короля! С этими средствами я собираюсь осесть в Шотландии, в своём родовом поместье, где недостатка в «Фаринтоше» не будет никогда.

Он перегнулся через гакаборт, глядя на город, кишущий марсианами, которые взволнованно потрескивали, ожидая увидеть, как взлетит невероятный корабль.

– Счастливо оставаться, огромные крабы! – крикнул он и обернулся к боцману. – Отдать швартовы!

Моряки принялись за работу, и минутой позже мощным рывком «Марс Эдвенчер» устремился в голубое марсианское небо.

С.М. Стирлинг

Этого автора многие считают настоящим преемником Гарри Тёртлдава, который некогда получил звание короля альтернативного исторического романа. Восходящая звезда научной фантастики Стивен М. Стирлинг – автор серии книг об острове в море времени («Остров в море времени», «Наперекор волне годов», «В океане вечности» – «Island in the Sea of Time», «Against the Tide of Years», «On the Ocean of Eternity»), в которой Нантукет попадает обратно в 1250 год. Перу Стирлинга также принадлежит бестселлер «Нью-Йорк таймс» – серия романов «Изменение»: сначала первая трилогия («Огонь гаснет», «Война протектора», «Встреча в Корваллисе» – «Dies the Fire», «The Protector's War», «A Meeting at Corvallis») и последующие «Земли восходящего солнца», «Бич Бога», «Меч Леди», «Король Монтиваля», «Слезы солнца» и «Повелитель гор» («The Sunrise Lands», «The Scourge of God», «The Sword of the Lady», «The High King of Montival», «The Tears of the Sun», «Lord of Mountains»), а также его последняя книга «Добровольная жертва» («The Given Sacrifice»). Другая альтернативная историческая серия, «Повелители Созидания», состоит из двух томов: «Небесные люди» и «При дворе Багровых королей» («The Sky People», «In the Courts of the Crimson Kings»). Действие происходит во Вселенной, где Марс и Венера были терраформированы таинственными инопланетянами в отдалённом прошлом. А совсем недавно Стирлинг начал новую серию, «Порождение Тени» («Shadowspawn»), состоящую пока из трёх романов: «Примесь в крови», «Совет Теней» и «Тени наступающей ночи» («A Taint in the Blood», «The Council of Shadows», «Shadows of Falling Night»). Автор создал и несколько романов вне серий, такие как «Конкистадор», «Пешаварские всадники», писал в соавторстве с Рэймондом Ф. Фейстом, Джерри Пурнеллом, Холли Лайл и актером «Звёздного пути» Джеймсом Духаном, а также в сериях «Вавилон 5», «Т2», «Живые корабли», «Мир войны» и «Войны людей и кзинов». Его короткие научно-фантастические истории вошли в сборник «Лед, Железо и Золото».

С.М. Стирлинг родился во Франции, вырос в Европе, Африке и Канаде, а сейчас живет с семьей в Санта-Фе, в Нью-Мексико.

Когда у тебя крадут нечто действительно важное, иногда приходится пойти на многое, лишь бы вернуть это. И не важно, опасен ли путь и как много народу встанет у тебя на пути...

С.М.Стирлинг Мечи Зар-Ту-Кана

Энциклопедия Британика, 20-е издание

Издательство Чикагского Университета, 1998

«Марс, основные параметры:

Расстояние от Солнца: 1.5237 а.е.

Период вращения вокруг Солнца: 668.6 марсианских солнечных суток

Период вращения вокруг оси: 24 часа 34 минуты

Масса: 0.1075 земной

Средняя плотность: 3.93 г/см³

Гравитация на поверхности: 0.377 Земной

Диаметр: 4217 миль (экваториальный; 53,3 % земного)

Поверхность: 75 % суши, 25 % воды (включая паковый лед)

Состав атмосферы:

Азот: 76.51%

Кислород: 20,23%

Углекислый газ: 0.11%

Следовые элементы: аргон, неон, криптон

Атмосферное давление: 10.7 фунта на квадратный дюйм на уровне Северного моря

Третий мир Солнечной системы, на котором есть жизнь, Марс еще меньше похож на Землю, чем Венера...»

– Добро пожаловать на Жо’ду, – сказала Салли Ямашита.

– Но я на Марсе уже больше месяца!

– База Кеннеди действительно на Марсе, но это не совсем Жо’да, – ответила она.

На демотическом слово «Жо’да» обозначало что-то вроде «Реальный Мир».

Не задумываясь, она натянула на лицо маску и ступила на улицу из причальной башни для дирижаблей. Воздух здесь был такой же сухой и резкий, как в пустыне Такла-Макан, и почти такой же разреженный, как в горах Тибета.

Секундой позже Том Бекворт последовал ее примеру. Живая квазиткань облепила его лицо, потом успокоилась, превращаясь в гладкий черный овал под раскосыми карими глазами. Совершенно не нужно было думать о том, что твой нос и рот закрывает синтетический амёбовидный паразит. Зато он не сильно отличался от настоящего оттенка кожи Бекворта.

Салли всегда наслаждалась возвращением на Зар-Ту-Кан, главный город, контактирующий с Альянсом исследователей и ученых США и стран Содружества на Марсе. Он был *по-настоящему инопланетным*. Ну а База Кеннеди походила на... приличных размеров аэропорт, странным образом оказавшийся в Антарктиде, где из-за плохой погоды все застряли во второсортном отеле. Возможно, ей придется провести остаток жизни на Марсе, а учитывая дешевизну антиагитика в этих краях, это надолго.

Бекворт с любопытством осматривался по сторонам, хоть и сдержанно: все было по-настоящему, уже не эмуляция. Вытянутые бокалообразные шпили возносились на сотни футов вверх над районами приземистых зданий с толстыми стенами. Их чуть потускневшие, но всё же весьма броские цвета выделялись на фоне бледно-голубого неба, чуть покрашенного розовой пылью Внешних Пустынь. Каждая башня в импрессионистической манере была окрашена в свой цвет, как воспоминание о радугах, что виделись в мечтах. Их соединяли кружевные прозрачные мосты, а просвечивающие купола блестели ниже роскошных

домов родовитых жителей или домов богатых и влиятельных, соревнующихся с ними в пышности. Узкие серпантинные улицы чуть ниже извивались меж зданий из гладкого розово-красного камня с уже почти стёршимися резными фризами...

Зар-Ту-Кан был независимым городом-государством времен еще Толламунских императоров Двор-иль-Адазара, объединивших Марс. Он пережил Вечный мир планетной империи, который длился тридцать тысяч лет, и снова стал городом-государством. Вытянутые силуэты его коренных жителей двигались среди сухопутов – местных «кораблей пустыни» и верховых птиц почти беззвучно, слышалось только шарканье лап и подошв по камням. Лишь изредка слышались голоса, а временами музыкальный перезвон, словно колокольчики вели математический спор.

– Марс не старше Земли. Он только кажется старше, – сказал Том Бекворт, возобновляя дискуссию, которую они вели всю дорогу с Базы Кеннеди до скованного льдом побережья Арктического моря.

Перевозка людей с планеты на планету стоила больших денег даже в благословенном 1998-м, и только лучшие могли себе позволить такую поездку. К несчастью, иногда умные, высокообразованные люди вкладывали большую часть своего интеллектуального капитала в защиту предубеждений, нежели в развитие понимания.

– Марсианская цивилизация намного старше нашей, – продолжил Бекворт. – Но должно же быть что-то общее. И, откровенно говоря, у них времени было намного больше, но успели они сделать меньше, чем мы.

Про себя она улыбнулась. Это тебе не Венера, и здесь уже не поиграешь в пробковом шлеме в Могучих Белых Господ. Он научится. Или нет.

Она остановилась, широко махнув рукой.

– Ну, вот он, – сказала Салли. – Дом, родимый дом.

Здание было трехэтажным восьмиугольником, с гладкими гранями снаружи, украшенными лишь неглубоким растительным рельефом, напоминающим перистый тростник, с прозрачным куполом, покрывающим всю центральную часть, что типично для стиля Орхидеи позднеимперского периода. Жуки-ремонтники, размером с кошек и по форме напоминающие приплюснутых насекомых, медленно ползали по прозрачному куполу, постоянно его очищая.

– Ззззздрррравствуйбосс, – произнес по-английски с ярко выраженным акцентом резкий шипящий голос.

Бекворт резко подскочил, когда от двери начала раскручиваться скелетообразная форма. По очертанию она более-менее напоминала рыжевато-белого цвета собаку – пушистую борзую на грани голодания, с длинным, как прут, хвостом, острыми, как у акулы, зубами, светящимися зелеными глазами, высоким лбом и длинными гибкими пальцами на лапах.

– Привет, Сатемкан, – сказала Салли. – Есть новости?

– Все ссспокойно, – ответило животное, снова переходя на демотический. Приветствие истоило его английский. – Вввозззможжжнссслишшжомссспокойно.

Оно нагнулось вперед и обнюхало ноги Бекворта.

– Паххххнет странно. Вроде ты, но... что-то еще.

Она полезла в один рукав своей мантии и вытащила оттуда пакет с рузом. Не-совсем-животное подхватило его в воздухе и проглотило мясо вместе с упаковкой, только облизнувшись. Тогда Салли сняла перчатку с правой руки и запустила ладонь в желобок возле двери. Слабое прикосновение к чему-то сухому и шероховатому, и вот портал из древесины ткем скользнул в сторону.

– Дай дому себя попробовать, – попросила она, когда они прошли в вестибюль и убрали маски обратно в карманы. – Здесь.

Бекворт осторожно положил руку в прорезь.

– Оно укусило меня! – воскликнул он.

– Ему требуется твой образец ДНК.

Глянцевая внутренняя дверь отъехала в сторону, открыв арочный проход во вспененном камне. Он выводил во двор приблизительно в сотню ярдов. Воздух был блаженно влажным – как в Палм Спрингс или на Бейкерсфилд – и пряно пах скалами, вскопанной землей и растениями: майораном, вереском и другими, у которых на Земле не было эквивалента. Площадь была замощена прочным известняком с окаменелыми ракушками, который меняли по мере надобности по прошествии нескольких веков. Однако известняковых плит почти совсем не было видно, двор почти весь зарос, растительность ползла вверх по колоннам, которые поддерживали балконы с аркадой, что выходили во двор, цветными лианами свисали с резного камня. Это была не совсем замкнутая биосистема, как, скажем, на космическом корабле, но нечто похожее.

– Я выражаю официальные безлично-вежливые приветствия роду и жителям, – спокойно сказала она на беглом демотическом. – Это мой партнер по работе, его зовут Томас, можно Том, из рода Бекворт. Он будет у меня гостить какое-то время, как позволяет мне мой договор аренды.

Все это было выражено буквально в десятке слов на марсианском с парочкой модификаторов. Лишь кое-кто оторвался или от рутинной работы, или от узеньких книжек, которые подобно блокнотам были сшиты сверху, или от игры *атанж*. Они быстро кивали, а потом возвращались к своим занятиям, не обращая больше на Салли никакого внимания, что было довольно-таки учтиво с их стороны. Одеты они были далеко не в мантии, если это вообще можно было назвать одеждой.

– Мы живем на втором этаже, – сказала она, идя впереди.

– Кажется, на нас не сильно обращают внимание.

– Они и раньше видели землян, – пожалала она плечами.

– На Марсе нас от силы пара сотен. Я думал, они на землян больше внимания обращать будут. В Окленде все бы точно глазели на марсианина.

– В том-то все и дело, Том. Они другие.

Дверь в ее квартиру открыла глазок и посмотрела на Салли. Она встретила с ним взглядом, позволяя глазку просканировать и ее, и ее спутника. Глазок моргнул, подтверждая, и прозвучал негромкий щелчок – мускул отодвинул керамическую задвижку.

Они пристроили на вешалке свои перевязи с мечами, и Том с интересом взглянул на фотографии на стене. На одной фотографии были изображены ее родители, на другой – винокурни, которыми они управляли в Напе, еще пара фото с ее братьями, сестрами, племянниками и племянницами, с кошкой, которая принадлежала Салли в университете (ну, или, как говорится, *она принадлежала кошке*).

Квартира была большой, несколько сотен квадратных метров, райский простор после кают космических кораблей, жилищ в космосе или станций на Марсе, названной База Кеннеди. Мебель по большей части была встроена в стены и пол, с шелковыми или меховыми одеялами и пледами сверху, – живые, они чуть шевелились, как будто лишние два градуса в комнате сбивали их с толку.

Уютненько, хотя и по-инопланетянски, – подумала она и потом произнесла вслух:

– Вот там кровать, свои вещи можешь туда бросить.

– А ванная где?

– Туда. Подожди, пока я не ознакомлю тебя с зар-ту-канским биде, – добавила она и ухмыльнулась, когда он вздрогнул.

– Когда будем есть?

– Сейчас сделаю поджарку.

– А что, марсиане едят поджарку? – удивился Бекворт.

– Нет. Это я ем поджарку.

– Моя помощь нужна?

– Не приближайся к моей кухне ни на шаг, – предупредила она. – Мне потребовались годы, чтобы все здесь нормально устроить.

Когда они разложили его вещи, Бекворт спокойно произнес:

– А что это за канид?

– Сатемкан? Он... а, он хороший помощник. Особенно в поле. А еда для него не очень дорогая. – Бекворт иронически приподнял бровь, и она неохотно продолжила, чуть тише: – И да, немного информации: у него... проблемы. Ему повезло, что его не умертвили и не запахнули в компостер.

– Так вот ты какая, хладнокровная безжалостная спасительница щенков, старушка марсианка, – ответил он, скаля в улыбке белоснежные зубы.

Салли показала ему кулак, а потом приподняла средний палец, проходя в угол кухни.

– Руз – это мясо, которое едят веганы, – объяснила она, когда нарезала поджарку, и Бекворт тоже посмеялся, поставив две шарообразных бокала с эссенцией на стол и толкнув в них соломинки.

Идею убийства домашних животных ради получения мяса марсиане считали неэффективной. Тембст-модифицированные птице-динозавры производили руз – бескостную плоть на месте бывших крыльев и передних конечностей их предков. Она безболезненно периодически снималась и снова отрастала.

– И на вкус как курица, – сказал Бекворт.

Салли положила кусок жареной стороной вверх в отдельную миску с крышечкой, налила сверху взбитое жидкое тесто и помешала. Затем сняла полдюжины липких, мягких, блинчикообразных, но пышных по консистенции кругов.

– Скорее телятина. Эта разновидность. Есть еще приправа, по вкусу как смесь лимона и чили... – начала она.

Сатемкан завыл, его уши приподнялись, а носом он повернулся к двери.

Она беззвучно открылась. Зеленая обездвиживающая граната покатила по полу, но Сатемкан уже вскочил на ноги. Он сделал отчаянный прыжок и вышиб керамический бочонок обратно в открытый портал.

Граната откатилась по дуге, но – к несчастью – перелетела через балюстраду и попала во двор. Снизу послышались крики «Осторожно», «Тревога!», но вдруг резко оборвались, когда она врезалась в камень и всё вокруг, что имеет спинной мозг, обездвижилось, когда наночастицы соприкоснулись с кожей.

Три фигуры в масках и мантиях с надетыми капюшонами прошли через дверь Салли сразу после взрыва, с мечами и колбообразными пистолетами с длинными стволами, заряженными дротиками. На пороге они чуть задержались при виде землян в помещении, ещё одетых, поскольку ткань была неплохой защитой от лёгких игл.

Салли повернулась на одном каблуке и через дверь швырнула миску с горячим мясом и овощами в лицо первого марсианина. Он упал назад, на своих партнеров, а она рванула с места сразу на десять футов, прикрывая лицо рукой. Дротиковое ружье издало шипящую вонь сожжённого метана с примесью серы, и что-то прямо сквозь ткань больно воткнулось в локоть.

Один из пистолетов нападающих на время выбыл из строя – требовалось двадцать секунд, чтобы метан подкачался. Она в это время упала на пол, перекатилась и достала свой меч из перевязи, что висела за дверью. До кольца дотянуться времени не было.

Все происходило словно во сне, быстро, но растянуто. Дело в адреналине и пониженной гравитации. Прыжки на Марсе сами по себе казались фантастикой, как и падение на землю – оно было мягким.

Сатемкан выскочил из-за двери, возня, глухой стук и дикое рычание, а потом крик марсианина:

– Больно! Чтотадикаяболь! – вполне искренним тоном. <Эмфатический режим!>

И Том Бекворт с глухим звуком мягко осел на землю. Красное пятно на горле показывало, куда попал растворимый кристаллический дротик, когда Том ринулся в атаку, как разъяренный бык. Третий марсианин без подготовки атаковал Салли, и все, казалось, исчезло, когда острый меч, в руке намного длиннее, чем её собственная, оказался возле её левого глаза.

Отчаянным движением она, еще не успев подняться, отбила клинок нападающего в неудобной третьей позиции: снизу вверх с изогнутой кистью, которая загудела от силы удара. Звонкое соприкосновение стали о сталь, и она стала наступать мелкими шагами и ударила его вдогонку гардой, когда продолговатая фигура начала отступать. Этот прием был против правил, и в любом фехтовальном клубе на Земле её бы дисквалифицировали, но она была не на Земле и речь шла не о распределении мест, а о борьбе за жизнь.

Марсианин зашипел, когда более крепкие кость и мышцы землянки вышибли рукоять из его или её пальцев в перчатке, сломав что-то в процессе. Салли Ямашита хотела распороть руку нападающего, но тут почувствовала легкий ожог на спине. Как-никак, марсиан было трое...

– О, ч...

Темнота.

Бессознательность длилась недолго, а анестетический дротик не оставил никаких побочных эффектов. Что-то шершавое и мокрое касалось её лица. Салли моргнула и увидела окровавленную морду Сатемкана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.